Павел Марушкин

ДЕВОЧКА ИЗ СТРАНЫ КОШМАРОВ

Павел Марушкин

Девочка из страны кошмаров

«Автор»
2026

Марушкин П. О.

Девочка из страны кошмаров / П. О. Марушкин — «Автор», 2026

Покинутая отцом, презираемая приютившей её семьёй, она вынуждена бежать и скитаться, когда таинственные и жуткие преследователи выходят на её след. Жизнь уличной бродяжки тяжела; но есть вещи намного хуже... Такая судьба выпала одиннадцатилетней Клариссе; ведь если ты дочь шпиона, то живешь в стране кошмаров - и каждый новый хуже предыдущего.

© Марушкин П. О., 2026
© Автор, 2026

Павел Марушкин
Девочка из страны кошмаров

Но ни ангелы в горних чертогах небес,
Ни демоны тёмных пучин не смогли
Разлучить мою душу с душою
Прекраснейшей Эннабел Ли

Эдгар Аллан По. «Эннабел Ли»

ЧАСТЬ I
Капканных дел мастер и его дочь

Глава 1

Кларисса свернулась калачиком в кресле, и уперев маленький подбородок в сцепленные пальцы, задумчиво глядела в окно. Прихваченные частым переплётом стекла обладали свойством немного искажать то, что находилось снаружи – каждое на свой лад.

Дом, в котором они квартировали, стоял на самой окраине; и дважды в год, осенью и ранней весной, улица превращалась в одну сплошную и очень длинную лужу. Тогда появлялся человек; всякий раз один и тот же, старик в вязаных перчатках без пальцев, с распухшим от насморка носом. Отец молча лез в кошелёк, отсчитывал монеты, и старик уходил, что-то неразборчиво ворча. Кларисса видела, как он бредёт, сгорбившись, от подъезда к подъезду. Спустя день-два после такого визита с пилорамы приезжал воз, доверху наполненный горбылём – длиннющими, сучковатыми, в неопрятных лохмотьях коры досками. Высокие громогласные мужчины ловко сбрасывали их синими от татуировок руками прямо в воду, зло хохоча и перекидываясь зычными незнакомыми шутками, такими же грубыми и занозистыми, как их работа. Девочке нравилось наблюдать за этой рукотворной тропинкой: особенно забавно бывало, когда двое прохожих спешили навстречу друг другу. Тогда она загадывала, кто первый уступит дорогу. С наступлением холодов настил поразительно быстро исчезал: по ночам доски выдирали прямо изо льда и уносили куда-то. «Это бродяги» – объяснил отец. «Они подбирают всё, что может гореть, и жгут костры, чтоб не замёрзнуть в стужу».

Кларисса вздохнула. Дождливые дни – самые длинные; но сегодня время тянулось особенно тоскливо. Отца всё не было. Обычно в этот час он уже приходил – возвращался откуда-нибудь, чаще всего из кузни, таща на плече здоровенный парусиновый мешок, наполненный разнообразными железками, с громким лязгом сбрасывал его возле верстака и, улыбаясь, подмигивал дочери.

Капканщик явился домой уже затемно. От скрежета ключа в замочной скважине девочка вскочила, испуганно моргая – незаметно для себя она задремала прямо в кресле. Отец, против обыкновения, даже не взглянул на неё. Громко бухая подкованными сапогами и роняя на пол комья грязи, он прошел в спальню; но вдруг пошатнулся и схватился за стену, оставив на ней липкий буро-красный след. Кларисса непонимающе нахмурилась и втянула тонкими ноздрями воздух. Обычно за отцом тянулся целый шлейф слабых, но ясно различимых запахов: разогретого металла, пота, стружек, угольной пыли; иногда к ним добавлялся спёртый пивной дух, иногда – аромат свежеиспечённого хлеба. Но сейчас все запахи перебил один; непонятный и тревожный, похожий несколько на сырой яичный желток.

Из-за двери послышались негромкое проклятие и треск разрываемой ткани. Кларисса на цыпочках подкралась к спальне и заглянула в щель. Отец, как-то странно скособочившись, копался в корзине с чистым бельём.

– Что случилось, папа? – чуть слышно прошептала девочка; от волнения у неё почти пропал голос.

– Ничего! – процедил сквозь зубы капканщик. – Ничего такого, с чем я не мог бы совладать. Тащи сюда лампу, дочка. Да прихвати бутыль крепкой, что стоит на окне.

Неловкими движениями он содрал с себя кожаную рубаху. Глаза девочки расширились: весь бок отца был в крови! Тёмная жидкость пропитала даже штанину на бедре, расплывшись по ткани зловещим бурым пятном. Кларисса тоненько вскрикнула. Тело вдруг потеряло вес, в ушах зазвенело…

– А ну! – грозно рыкнул отец. – Ты мне ещё в обморок упади!

Это подействовало. Девочка тенью метнулась в большую комнату, совмещавшую в себе кухню и мастерскую, и принесла требуемое. Обильно смочив тряпку настойкой, капканщик принялся удалять сгустки запекшейся крови. Рана снова закровоточила. Кларисса тихонько всхлипнула.

– Ничего, дочка, ничего… – хрипло приговаривал капканщик. – Чиркануло малость по ребрам; с виду страшно, а делов-то всего, шкуру зашить… Как же я сразу не почуял – *землёй от него пахнет*… Хорошо, в глаза догадал глянуть… Теперь найди мне щипцы, кривую иглу для кож и шелковых ниток; помнится, в большом саквояже был моток… А ну, стой! Помнишь, как надобно его открывать?

– Нажать потайные кнопки, одну и другую одновременно, чтобы внутри щелкнуло – заученно отбарабанила Кларисса. Столь подробная инструкция была отнюдь не лишней. Большой дорожный саквояж капканных дел мастера представлял собой весьма опасную ловушку для любого, кто не был знаком с его устройством…

Тихонько шипя, капканщик принялся зашивать рану. Девочка болезненно вздрагивала при каждом звуке, но не уходила: отцу могла понадобиться её помощь. На перевязку пустили чистые простыни; Кларисса, следуя указаниям раненого, затягивала последний узел, когда в дверь постучали.

– Спрячься! – грозным шепотом велел капканщик; в его жилистой руке неведомо откуда возник длинный нож. На лезвии подсохли тёмные пятна…

Стук повторился. Девочка юркнула под низкую кровать и замерла, вслушиваясь в удары своего сердца – казалось, оно бьётся просто оглушительно... От пыли тут же засвербило в носу; безумно захотелось чихнуть. Комнату окутал полумрак: отец прикрутил фитиль настольной лампы, оставив крохотный, еле теплящийся огонёк, и шагнул к двери. Слабости как не бывало. На повязке проступила кровь, но капканных дел мастер двигался легко и бесшумно, словно огромный кот.

– Кого там черти носят?! – рявкнул он в щель и тут же отстранился.

– Это Эрл, Эрл Птицелов! – слабо отозвались из-за двери.

Кларисса тихонько перевела дух. Эрл Птицелов был давним знакомым и постоянным клиентом мастера; девочка не раз помогала отцу чинить орудия его промысла, хитроумные ажурные приспособления из тонкой проволоки и бамбука. Капканщик, однако же, не спешил впускать старинного товарища.

– Эрл? Ты один?

– Бог мой, да неужто ты думаешь, я притащил завсегдатаев окрестных кабаков, дабы спеть тебе маленькую ночную серенаду?! Что с тобой такое, Атаназиус?

– Ничего особенного – проворчал капканщик, отпирая засов. – Просто я получил известного рода послание.

– О чем ты, какое… Ох! Клянусь своей старой шляпой! Чтоб мне провалиться! – Эрл разглядел окровавленные тряпки.

– Кто это был?!

– Он не представился – зло усмехнулся капканщик. – Но справедливости ради стоит сказать – я и не дал ему такой возможности.

Опасность миновала; Кларисса выбралась из-под кровати и принялась отряхиваться. Отец с Эрлом меж тем уселись за стол; гость достал из-за пазухи бутыль красного вина, настоянного на специях, и разломил пополам буханку черного хлеба.

– Странные вещи творятся последнее время, друг мой; странные и нехорошие. Припомни, экий ворох подозрительных происшествий, нелепых смертей и загадочных несчастных случаев посыпался на членов нашего маленького братства за последние месяцы? Не слишком ли много совпадений, Атаназиус? Я уже говорил тебе…

– Ты был прав, а вот я ошибался – мрачно обронил мастер. – Здесь нет совпадений, теперь я уверен: за всем этим стоит чья-то злая воля; и когда я говорю «чья-то», то подразумеваю…

Эрл прошептал нечто – одними губами.

– Боле некому. Но предупреждён – значит вооружен, так ведь?

– Ты тоже уязвим; а враг хитер и коварен… Знаешь, о чем шепчутся в последнее время? Люди болтают, что… – Эрл говорил понизил голос, низко нагнувшись к капканщику; и любопытная Кларисса осторожно выглянула из спальни, дабы ничего не пропустить из такого интересного разговора. Но отец внезапно поднял голову и ожег её сердитым взглядом.

– Это что ещё такое?! Подслушивать вздумала?! А ну-ка, брысь в постель; и чтобы носа из-под одеяла не высовывала!

Девочка послушно забралась в кровать и затаила дыхание; но Птицелов говорил очень тихо, слышно было только отдельные слова.

– Ты знаешь, они никогда не любили действовать явно… Чёрные кареты… Сопротивляться бессмысленно… Никому ещё не удавалось …

– Досужие сплетни! – внезапно рявкнул Атаназиус и грянул кулаком по столу. – Но даже если и так, со мной эти фокусы не пройдут! Я ведь и сам кое-что умею, ежели помнишь!

– Может, потому ты и нарвался на нож?

– Может, и потому. Но я-то здесь, а где теперь их посланник?! – проворчал капканных дел мастер.

– Так-то оно так; но не забывай – в этой игре ты фигура крупная, к тому же имеешь одно слабое место… Ты ведь не хочешь, чтобы малышка стала разменной картой в их грязных лапах?

Атаназиус помрачнел. Птицелов вновь наполнил опустевшие стаканы.

– Думаю, наилучшим выходом для тебя было бы исчезнуть на время; скрыться – да так, чтобы никто не мог знать, жив ты или мертв. Возможно, уехать за кордон…

Капканщик помолчал.

– Легко сказать! Сухопутные границы под надзором; а морем нынче ходят только контрабандисты…

– Да, это опасно; но опасней ли, чем оставаться здесь?

– Я ведь не о себе беспокоюсь, старик! Кларисса…

Эрл вздохнул.

– Не хотел я этого говорить; да что поделаешь… Пойми, Атаназиус, с дочерью тебя только слепой не приметит! Но стоит… Стоит вам разделиться…

– Подумывал я об этом – капканщик склонил свою большую лохматую голову и угрюмо уставился в стол. – Но кому можно доверить судьбу моего ребёнка?

Эрл по-стариковски закряхтел.

– Это же не навсегда! Несколько месяцев, может быть, полгода… Впрочем – решать, конечно, тебе. Вот только не было бы поздно…

– А какие планы у тебя?

– Я тоже намерен улизнуть из города; хочу податься на юг. Знаешь, сезон нынче был не из худших, и мне удалось скопить немного деньжат. Не бог весть что, конечно; но зиму пережить хватит. Может быть, даже доберусь до южного побережья…

– Это дело. О деньгах не беспокойся, и вот что – проведаешь заодно ячейки в Летанике и Примбахо. Ежели верить донесениям, у них там тишь да гладь…

– Тебе это кажется подозрительным?

– Не то, чтобы… Просто всегда лучше посмотреть глазами.

Разговор перешел на вещи вовсе ей непонятные; и девочка незаметно для себя погрузилась в тревожное, полное сумбурных сновидений забытие.

Пробуждение было внезапным: кто-то резким рывком сорвал с неё теплое одеяло, и волна ледяного воздуха захлестнула Клариссу. Девочка съежилась, пытаясь спросонья укутаться в тонкую ночную сорочку и жмурясь – огонёк свечи неприятно резанул по отвыкшим от света глазам.

– Вставай! – в резком голосе капканных дел мастера сквозило напряжение. – Одевайся. Живее!

Ещё не до конца проснувшись, Кларисса спустила ноги с кровати, пытаясь нащупать босыми ступнями обувь. В распахнутое настежь окно стекал тонкими струйками лёгкий предрассветный туман – теперь стало понятно, отчего в доме так зябко. Девочку начала пробирать крупная дрожь. Привыкшая беспрекословно повиноваться суровому отцу, она торопливо оделась. Капканщик мерил шагами мастерскую; там то и дело что-то гремело и падало.

– Что случилось, папа? – отважилась спросить Кларисса.

– Быстро собери вещи! Возьмёшь только самое необходимое; мы уходим отсюда.

– Уходим? – непонимающе переспросила девочка. – Куда? Почему?

Отец не ответил; судя по громкому лязгу и сдавленным проклятьям, он только что сбросил с верстака на пол все свои инструменты. Кларисса взяла со стола подсвечник и осторожно выглянула из спальни. В комнате, служившей им одновременно кухней, мастерской и гостиной, царил страшный разгром. Стол был повален; пол усеивали осколки битого стекла вперемешку с мусором. Разорванная книга мокла в луже вина, от упавшей лампы резко несло керосином. Теперь девочка поняла, что за странные шумы то и дело вторгались в её сон. Она подняла свечку выше – и вскрикнула: у самых дверей из-под небрежно наброшенной скатерти торчали чьи-то ноги в грубых, заляпанных грязью башмаках!

– Не смотри туда! – капканных дел мастер отобрал у дочери подсвечник и сунул ей в руки наполненную снедью корзинку. – Возьми лучше это; пригодится. Собери свои одёжки и увяжи всё в узел. Туфельки тоже бери.

– Но… Почему?! – пролепетала девочка.

Капканщик внезапно присел перед дочерью на корточки и взял её ладони в свои.

– Ты помнишь, как-то раз у нас с тобой был один очень серьёзный разговор? Помнишь?

– Когда ты рассказывал мне про плохих людей? – Кларисса испуганно смотрела в тёмные отцовские глаза; в каждом зрачке отражался крохотный свечной огонёк.

– Верно, дочка. Помнишь, я говорил, что в нашей жизни может настать очень трудный момент? Когда придётся всё бросить и бежать куда глаза глядят?

– Это… Случилось?

– Именно так. Пришла беда; и у нас с тобой совсем нет времени, понимаешь? Стоит чуть задержаться, как всё пропало!

– Я понимаю… Я сейчас… – Кларисса набралась храбрости – А… Кто там… У двери?

Капканных дел мастер вновь принялся рыться среди разбросанных повсюду вещей.

– Это был плохой человек. Очень плохой. Один из тех, что охотятся за нами. По счастью, я услыхал скрежет в замке... Не думай об этом, займись лучше делом!

Спустя несколько минут из распахнутого окна на землю был спущен массивный, обтянутый толстой кожей саквояж. Следом неловко вылез высокий широкоплечий мужчина. Тихонько шипя и держась за бок, он огляделся. Двор был пуст; в этот предрассветный час трудовой люд окраины досматривал последние, самые сладкие сны. Мужчина поднял руки и помог спрыгнуть на землю худенькой светловолосой девочке.

– Папа, а вдруг кто-нибудь увидит и решит, что мы воры…

– Никто нас не увидит; пошли!

Сутулясь под тяжестью поклажи, капканных дел мастер зашагал прочь. Клариссе досталась не такая тяжелая, но весьма объемистая ноша: удобно пристроить на плече тюк с одеждой никак не получалось.

– Не отставай! – бросил капканщик, растворяясь во тьме.

– Подожди! – робко взмолилась девочка, ожидая вспышки отцовского гнева. – Я за тобой не поспеваю!

Но капканщик не стал ругаться; вместо этого он поумерил шаг и крепко взял дочь за руку. Идти сразу сделалось легче; да и темнота проходных дворов теперь уже не казалась столь пугающей. Слабого света звёзд хватало, чтобы различать очертания крыш и безобразные, словно ведьмина метла, силуэты низкорослых облетевших тополей. Капканных дел мастер шагал уверенно, по возможности избегая улиц: они то и дело ныряли под низкие арки, проходили насквозь дома, поднимаясь и спускаясь по гулким лестницам, пересекали заросшие бурьяном пустыри. Один раз даже пришлось перелезть через невысокий забор: помогла весьма кстати оказавшаяся возле него поленница дров. Небо потихоньку светлело; в какой-то миг Кларисса обнаружила, что различает очертания своих рук. Почти сразу пришло узнавание места: дом с высокими и узкими печными трубами и привалившаяся к его стене дощатая хибара – именно здесь обитал Эрл Птицелов. Девочка уже бывала в гостях у старика раньше; и теперь немного воспрянула духом, предвкушая встречу с многочисленными живыми трофеями: пойманных птиц Эрл содержал в своём жилище, обходясь минимумом обстановки.

– Беда, старик! – негромко поприветствовал капканных дел мастер испуганно моргающего спросонья Птицелова. – Как видишь, пришлось потревожить тебя раньше, чем я думал… Враг снова нанёс удар; то, что мы сейчас разговариваем, настоящее чудо.

– О господи! Входите же, входите скорее…

– Ты тоже в опасности; нам нельзя оставаться тут надолго.

– Надобно решаться, Атаназиус – сказал Эрл несколькими минутами позже. – Сам видишь, время истекло…

– Так уж вышло, ты – единственный, кому я рискну нынче довериться. Сможешь ли ты приютить её? Спрятать?

Птицелов задумчиво глянул вглубь помещения. Кларисса, наставительно постукивая пальчиком по прутьям клетки, что-то тихонько объясняла парочке черных вардевальских скворцов.

– Есть тут одно семейство; они кое-чем мне обязаны – и, пожалуй, предоставят малышке кров и стол на несколько дней, коли попрошу хорошенько. Без большой охоты, правда; они весьма скаредны – ну, да что поделаешь… А я тем временем исчезну из города; поброжу по округе, подыщу ей хорошее местечко где-нибудь на ферме. Ты ведь понимаешь, чем дальше отсюда – тем спокойнее; да и свежий воздух, опять же…

– Лучшего я и пожелать не мог! – капканных дел мастер благодарно стиснул тонкую сухую ладонь Эрла. – Вот, держи…Здесь двести двадцать гю в ассигнациях и серебряный слиток; ежели найдёшь хорошего перекупщика – потянет ещё на двести…

– Слишком много, Атаназиус! – покачал головой Птицелов, принимая увесистый кошель. – Четверти этой суммы с лихвой достанет на всё.

– Бери! – с нажимом произнёс капканщик. – И проследи, чтобы моя дочь ни в чём не нуждалась… Я вернусь за ней, как только смогу.

Промозглы осенние ветра; холодны волны Сильферры – крупнейшего из озёр Титании. Небо над бухтой казалось отражением штормящих вод. Свинцовые облака рваными грядами катились куда-то вдаль, изредка обдавая землю холодными брызгами дождя; клочья едкого угольного дыма метались над низкими крышами портовых пакгаузов. Расставание пахло железом, мокрыми досками и безнадёжностью…

– Ты должна быть сильной, мышка. Обещай мне, что будешь сильной.

– Я постараюсь…

Капканных дел мастер вдруг коротко скрежетнул зубами.

– Ну никак я не могу взять тебя с собой; понимаешь – никак!

Они стояли на пирсе; полутора метрами ниже мелкая портовая волна вгрызалась сердитой шавкой в потемневшее дерево свай. Атаназиус кутал дочь жесткими полами рыбацкого плаща, так что наружу выглядывало лишь маленькое бледное личико.

– Когда ты вернёшься? – Кларисса изо всех сил старалась, чтобы голос её не дрожал.

– Не знаю, дочка. Но можешь быть уверена – я не задержусь и на минуту сверх необходимого.

Капканщик неловко обнял её за плечи.

– Видишь тот длинный каменистый мыс? Что бы ни случилось, но однажды – я думаю, ночью или в сумерках, это ведь наше с тобой любимое время! – из-за него выйдет под всеми парусами очень красивый, но главное – очень быстрый бриг; а я буду стоять на палубе, держась за ванты, и вглядываться в городские огни…

Девочка внезапно всхлипнула и изо всех сил прижалась к нему. Капканщик осторожно погладил её по волосам.

– Ну что ты, милая, перестань… Ты помнишь, что обещала мне?

– Помню… – сквозь слёзы прошептала Кларисса.

– Береги себя! Слушайся дядю Эрла; и заклинаю – держись подальше от черных карет и людей с глазами, как оловянные пуговицы! Впрочем, надеюсь, тебе не придётся встретиться ни с теми, ни с другими… А теперь беги…

Кларисса, закусив губу, выпорхнула из задубевших складок мокрой ткани. В этот момент сквозь разрыв облаков брызнули лучи солнца, почти по-зимнему низкого и бледного. Маленькая фигурка девочки засияла вдруг мягким жемчужным светом, а над городом проступила акварельным мазком чуть заметная арка радуги. Но лишь на миг – косматые тучи тотчас затянули прореху, и всё вокруг словно выцвело, кутаясь в разнообразные оттенки серого.

Экипаж, раскачиваясь и немилосердно скрипя рессорами на каждой выбоине, катился прочь от порта. Девочка забилась в угол и прикрыла глаза, погрузившись в свои мысли. Очередной толчок вывел её из забытья; сидевший рядом пробурчал нечто грубое в адрес кучера. Кларисса, не решаясь взглянуть на своего провожатого прямо, чуть скосила глаза. «Не бойся, он простой дворецкий» – шепнул ей Эрл Птицелов, передавая с рук на руки высоченному и худому, как жердь, господину; но внешность нового спутника отнюдь не располагала к симпатии! Такое количество разнообразных лицевых костей, по мнению девочки, могло быть только у морского окуня. Представить этого типа без лоснящегося сюртука с длинными фалдами и чёрного, словно печная труба, цилиндра было попросту невозможно; да он и сам, похоже, не мыслил себя в другом одеянии. Названные предметы одежды сидели на долговязой фигуре, будто он в них родился – а скорее, был собран из частей, подобно манекену, на некой зловещей фабрике. Впрочем, Клариссу радовало уже то, что он вовсе не замечает свою спутницу.

Тряска вскоре почти прекратилась: лошадь свернула с грунтовой дороги на брусчатку. Цоканье копыт сразу стало громче; звуки метались по узкому пространству, порождая причудливое эхо. За окнами кареты, на расстоянии вытянутой руки, проплывали облезлые стены домов. Мало-помалу улицы сделались шире; вдоль зданий протянулись пешеходные тротуары, навстречу стали попадаться другие экипажи и повозки – и вот настал миг, когда поездка завершилась. Клариссин провожатый впервые соблаговолил обратить на спутницу внимание:

– Выходи, приехали!

Девочка, очнувшись от своих мыслей, испуганно глянула наружу. Дом, возле которого остановилась карета, был огромным и мрачным, как и все здания вокруг – казалось, они соперничают друг с другом высотой потемневших, изъеденных непогодой кирпичных стен. Впрочем, толком рассмотреть что-нибудь не представилось возможным; в очередной раз брызнул дождь, и дворецкий сердитым голосом велел поторапливаться. К узлу с вещами Клариссы он даже и не подумал притронуться.

Чугунный дверной молоток, отлитый в форме толстощёкой физиономии, глухо брякнул в дверь. В тот же самый миг тяжелые створки распахнулись, и на порог выступила, подбоченясь, совершенно квадратная особа – коротконогая, широкоплечая, словно небольшой комод, со столь же выразительным лицом в обрамлении целого облака жестких, будто стружки, кудряшек.

– Почему так долго, Виттиго?! – голос женщины был резким и взвизгивающим на окончании фраз, точь-в-точь как у вгрызающейся в дерево пилы; при его звуках невольно возникало желание заткнуть уши. – Разве вы забыли, что слугам сегодня полагается заняться чисткой столового серебра? Неужели я всё должна делать сама?

– Они чертовски долго копались! – пробурчал дворецкий. – Я битый час ждал на пристани!

Кларисса могла бы поклясться, что прощание с отцом длилось не дольше пяти минут; девочка обиженно вскинула глаза – но провожатый уже исчез где-то в недрах дома.

– Ну же, не стой столбом! Заходи! – экономка сердито фыркнула. – Или ты намерена торчать на улице весь день?!

Кларисса робко переступила порог и очутилась в полутёмном холле. Окон здесь не было; единственным источником света являлся бледный газовый рожок в глубине помещения.

– Значит, ты и есть новая квартирантка… – с непонятным выражением обронила экономка, бесцеремонно оглядывая гостью с ног до головы. – Ну что же; ступай за мной.

Отведённые девочке покои представляли собой тесную, с низким потолком каморку. Продавленная софа прижималась к стене; узор дешевеньких бумажных обоев в этом месте был вытерт до основы и изрядно засален. У изголовья сиротливо ютился гнутый стул с треснувшей спинкой. Больше в комнате ничего не было, если не считать прибитых рядом с дверью крючков для одежды. Рассохшиеся половицы тут же заскрипели – так громко, что заставили её вздрогнуть.

– Жить будешь в этой комнате; да смотри, не вздумай шуметь – сварливо предупредила экономка. – Хозяйка не любит, когда её тревожат; а стены здесь тонкие.

– Хозяйка?

– Да, милочка; и учти: её слово в этом доме – закон. Заруби себе это на носу! – женщина многозначительно поджала губы и удалилась.

Ступая как можно осторожнее, Кларисса подошла к софе и присела на неё. Ветхий пружинный матрас глухо ухнул, на пол посыпалась какая-то труха. Вокруг было тихо; но стоило внимательней прислушаться – и в чуткое ухо вползали один за другим шорохи, шепотки, тихое покашливание… Дом лишь притворялся пустым; он как будто выжидал, затаившись, присматриваясь к маленькой гостье щелястым полом и тёмными, затянутыми паутиной углами.

Спустя самое малое время в снаружи послышались лёгкие осторожные шаги. Кто-то на цыпочках подкрался к двери и замер у самого порога. Неплотно прикрытая створка шевельнулась; в щели показались растрёпанные рыжие вихры и любопытный ярко-голубой глаз… Плохо смазанные петли протяжно скрипнули, и в тот же миг незадачливый лазутчик разразился сдавленным хихиканьем и убежал, громко топоча по коридору. Кларисса поёжилась. Новое жилище казалось ей странным и неуютным; в душном воздухе каморки витало некое непонятное напряжение – и когда за дверью раздался резкий голос экономки, девочка облегчённо перевела дух.

Проводив капканных дел мастера и препоручив Клариссу заботам временных опекунов, Эрл Птицелов возвратился к себе – ненадолго, лишь для того, чтобы собрать вещи. Откровенно говоря, в этом не имелось надобности: благодаря деньгам капканщика теперь можно было попросту купить всё необходимое, даже не слишком заботясь о цене. Но многолетняя привычка к бережливости взяла верх; кроме того, в лачуге имелась пара-другая предметов, никак не вяжущихся с маской нищего старого чудака. Попади они в руки полиции – это могло бы вызвать подозрения, а следом, пожалуй, и крайне нежелательный интерес к его скромной особе… Такого Эрл допустить не мог. Перед уходом он спалил в крохотной печурке кой-какие бумаги и спрятал за пазухой небольшой, но увесистый свёрток, упакованный в плотный пергамент. Напоследок Птицелов пооткрывал клетки и настежь распахнул маленькое замызганное оконце, выпуская крылатых пленников на свободу.

Ковыляя по улице, Эрл раздумывал, которым из дел надлежит заняться в первую очередь. Атаназиус перед отъездом оставил ему несколько поручений; все они казались незначительными, но Птицелов знал – такое впечатление обманчиво. Поразмыслив немного, он решил сначала закупить всё необходимое для путешествия, а затем навестить Клариссу, посмотреть, как она устроилась на новом месте. Опекунам уплачено десять гю; за такие деньги они должны принять малышку, словно принцессу… Печень внезапно кольнуло – резко и сильно. Птицелов поморщился. Пожалуй, не следовало так наедаться с утра; но ему сегодня понадобится немало сил – хлопот предстоит уйма, да и концы неблизкие. К тому же, он испытывал какое-то мальчишеское наслаждение, подкладывая себе ещё и ещё на глазах этих скаред! Именно так и должен вести себя нищий старик, дорвавшийся в кои-то веки до горячей обильной пищи.

– В прежние времена я бы выставил кухарку за порог, приготовь она этакие помои! – бормотал себе под нос Эрл, растирая правый бок. В печени теперь поселилась тупая ноющая боль. Птицелов прошел ещё несколько кварталов, чувствуя себя всё хуже и хуже; а потом в глазах у него помутилось, тело прошиб холодный пот, а к горлу неудержимо подкатил едкий горячий комок. Старик еле успел свернуть в подворотню, прежде чем его вывернуло наизнанку.

– Какого дьявола! – прохрипел Эрл, отплёвываясь: расползающаяся по земле лужа была тёмной от крови. На поверхность сознания, извиваясь, будто змея, всплыло мерзкое холодное слово «отрава». Выходит, враги добрались и до него...

Трясущимися руками Птицелов рванул из-за пазухи свёрток, разодрал скрюченными пальцами пергамент. Тускло блеснула сталь. Порох и пуля уже в стволе, надобно лишь вставить капсюль… Прежде, чем ему это удалось, Эрл рассыпал почти всю коробку. Новый спазм заставил его рухнуть на колени. Отдышавшись немного, он встал, цепляясь за стену. Ничего… У него хватит сил, чтобы доползти и глянуть в глаза отравителям…

Прохожие шарахались в стороны при виде безумного, вооруженного пистолетом старика, шатающегося из стороны в сторону. Эрл не замечал испуганных взглядов, не слышал ропота за спиной. Он изо всех сил боролся с грызущей внутренности болью; боролся, чувствуя, что безнадёжно проигрывает в этой схватке; но тем не менее заставляя себя сделать следующий шаг, потом ещё один… И ещё... Тут мостовая вдруг вздыбилась – и с размаху ударила его в лицо; а потом всё вокруг окутала тьма.

Удильщик – Кракену

Милостивый государь! Если Вы читаете сие послание, то знайте – случилось худшее из возможного.

Согласно правилам, с этого момента ячейка в Уфотаффо считается уничтоженной; и тому, кто заступит на моё место, придётся всё начинать заново. Надеюсь, фортуна отнесётся к нему благосклоннее и звезда нашей надежды не канет за горизонт.

Засим откланиваюсь,

покорнейший слуга Короны.

Глава 2

Экономка, будто маленький паровой буксир, деловито рассекала сумрачные анфилады комнат. Девочка еле поспевала следом; остаться одной в этом чужом, неприветливом, наполненном застоявшимся воздухом доме ей совершенно не улыбалось. Наконец, провожатая толкнула очередную дверь – и Кларисса робко переступила порог гостиной.

Тут было гораздо светлее; на улицу выходили большие окна. Середину комнаты занимал стол, накрытый белоснежной крахмальной скатертью. У противоположной стены возвышался роскошный, похожий на кафедральный собор дубовый сервант. Многочисленные полки оккупировали помпезный хрусталь и фарфор; стоило сделать шаг, как там что-то начинало звенеть и дребезжать.

За дальним концом стола восседала дама лет шестидесяти, одетая в темное кружевное платье. Голову её венчала высокая старомодная прическа, удерживающая форму за счет множества шпилек, торчащих наружу, словно иголки кактуса. Но сильнее всего Клариссу поразили глаза этой женщины: правый, маленький и невыразительный, то и дело прятался за тяжелым черепашьим веком, зато левый, бледно-голубой, был почти вдвое больше и всё время, не мигая, пялился в одну точку.

По правую руку от неё располагалось кресло-коляска, страшно неудобное на вид. Там сидело нечто похожее на мумию; по крайней мере, почти столь же древнее, высохшее и морщинистое. Слева занимал место плечистый темноволосый горбун. В отличие от обитателя коляски, он казался вполне живым, даже слишком: длинные мускулистые руки этого господина не знали ни минуты покоя. Нервные пальцы то и дело поправляли заправленную за воротничок салфетку, перекладывали с места на место вилку, либо принимались играть часовой цепочкой, свисающей из жилетного кармана.

Рядом с горбуном на высоком стуле вертелся из стороны в сторону рыжеволосый мальчишка, очень похожий на маленькую шкодливую обезьянку: стоило гостье переступить порог, как он тут же принялся корчить ей гримасы. Напротив мальчика расположились две женщины, должно быть, сёстры: добрые бессмысленные лица их, с отсутствующим выражением водянистых, навыкате, глаз были одинаковы, будто две капли воды.

Экономка отступила чуть в сторону и вопросительно уставилась на девочку тем самым взглядом, за которым обычно следует вопрос: «А что теперь надобно сказать?»

Кларисса робко поклонилась, придерживая пальцами складку платья.

– Здравствуйте – выдохнула она и несмело улыбнулась. – Меня зовут Кларисса Квантикки...

– Ну и уродина! – громко, на всю гостиную, объявил мальчишка и захихикал.

– Тише, тише! – обронил горбун, неодобрительно покосившись на своего соседа, и добавил вполголоса: – Не надо так говорить; это просто… Э-э… Такая наследственная болезнь.

Высокая прическа на том конце стола величаво качнулась.

– Какая прелесть! – кисло произнесла разноглазая дама. – Ну, а я – Аида Двестингаусс, хозяйка этого дома. Надеюсь, тебе понравится здесь и ты не доставишь нам много хлопот. Садись к столу; сейчас подадут обед.

Прислуживал знакомый девочке костлявый Виттиго. Кларисса так и не поняла, имя это или фамилия; по-другому к долговязому никто не обращался. В доме дворецкий не носил цилиндра; зато щеголял плавно переходящим в лысину лбом, округлым и блестящим, словно биллиардный шар. Обнеся всех тарелками, он подкатил кресло-каталку вплотную к столу и со скрежетом повернул некий рычаг, в результате чего парализованный занял почти вертикальное положение. Экономка принялась за кормление. Девочка зачарованно наблюдала, как старец глотает жидкий бульон – ложка за ложкой, совсем не шевеля губами; только кадык ползал вверх-вниз по жилистой шее...

– Нехорошо смотреть другим в рот! – внезапно прошептала одна из одна из двойняшек, укоризненно качая головой. Кларисса порозовела и опустила глаза.

Обед ей определённо не понравился. Во-первых, вся еда здесь была какой-то безвкусной – то ли недосоленной, то ли переваренной. Во-вторых, строгая очерёдность блюд оказалась неприятным сюрпризом: когда руки в белых перчатках то и дело убирают из-под носа недоеденную тарелку, поневоле теряешь аппетит!

Утолив первый голод, обитатели дома завели беседу. Тон задавала хозяйка; и поначалу разговор вертелся вокруг хозяйственных дел и закупок. Дорожало всё: мясо на рынке, овощи в зеленной лавке, уголь – хорошо, что успели взять воз по старым ценам! Засыпанного в бункер должно хватить до весны; разумеется, если не транжирить – Виттиго, Магния, вы слышите? Дворецкий и экономка согласно кивали в ответ.

– То ли ещё будет! – горбун нервно промакнул губы краешком салфетки. – Умные люди поговаривают о войне. Похоже, не за горами такие перемены, что нынешние времена мы будем вспоминать с грустью и умилением.

– Умные люди! – презрительно фыркнула хозяйка. – Где, скажите на милость, вы с ними беседовали! Я умоляю, Йойо; оставьте эти вздорные домыслы газетчикам и займитесь лучше вашей медициной...

– На этот раз всё куда серьёзнее! – живо возразил горбун. – Не в укор будь сказано, вы редко бываете на улице, и вряд ли могли видеть то, что подмечаю я. Люди встревожены, Аида; повсюду происходит некое не вполне понятное брожение умов… А газеты, к слову, пестрят дифирамбами в честь наших храбрых моряков, с риском для жизни бороздящих просторы Кариатики… Ну, и традиционными проклятиями в адрес флота Бриллиантиды. Если и дальше всё будет идти таким манером, то к лету как пить дать отыщется casus belli, вот помяните моё слово…

– Увольте меня от политики! – поморщилась госпожа Двестингаусс. – Впрочем, ежели хотите, можете вечером *задать вопрос*.

Последние слова она произнесла со странной интонацией. Йойо оживился, радостно потёр ладони.

– Так и поступим, в самом деле!

Он хотел ещё что-то добавить, но в это время дворецкий принёс десерт, и всё внимание горбуна вновь сосредоточилось на еде. Однако Кларисса успела заметить брошенный в её сторону взгляд – острый и заинтересованный.

После обеда девочка вновь оказалась предоставлена самой себе. За окном неожиданно распогодилось, выглянуло солнце. Сидеть в каморке не хотелось; бродить по дому – тем более. Оставшись никем незамеченной, Кларисса прошмыгнула чёрным ходом и очутилась на заднем дворике. Здесь было уютней; насколько вобще может быть уютно на холодном осеннем ветру. Мокрые бурые листья чуть слышно шуршали под ногами, с голых ветвей деревьев в изобилии

свисали желто-красные мелкие плоды. Кларисса сорвала один; повинуясь внезапному порыву, она куснула морщинистый бок и тут же скривилась.

– Они нонче кислющие – раздался чей-то голос. – С райскими яблочками всегда так – надо, чтобы их прихватило как следует морозом, тогда станут слаще.

Кларисса удивлённо вскинула глаза. Дворик был огорожен невысокой оградой, и сейчас её непринуждённо оседлал одетый в лохмотья лопоухий мальчишка.

– Что-то я тебя тут раньше не видел! – ухмыльнулся он.

– Я только сегодня приехала… А ты кто? – полюбопытствовала девочка.

– Ну как тебе сказать… – важно заявил мальчишка. – Нас тут величают уличными разбойниками; вот я, например – Томми, по кличке Секунда. Это потому, что я очень быстрый!

– Кларисса Квантикки – девочка сделала лёгкий реверанс. Томми это, по-видимому, понравилось; он спрыгнул с забора и подошел ближе.

– Здорово! Слушай, а ты случайно не родня такому, рыжему… – мальчишка скорчил плаксивую гримасу; да так похоже, что Кларисса невольно рассмеялась.

– Нет, что ты, мы не родственники. Я здесь просто в гостях; надеюсь, ненадолго…

– Это хорошо! – Томми почесал кончик носа. – А то у нас с ним кровная вражда. Знаешь, что это такое?

– Нет…

– Он вздумал швыряться в меня камнями. Пришлось как следует проучить наглеца; расквасить ему нос. Я бы его ещё не так отделал, если б не взрослые! Есть тут один – длинный, костлявый; чуть было меня не поймал… Ну, да где ему!

– Это Виттиго, дворецкий – понимающе кивнула Кларисса. – А ты живёшь здесь поблизости?

– Когда как – пожал плечами Томми. – Наша шайка на одном месте долго не сидит, сама понимаешь! Обычно мы промышляем на площади, там, где памятник братьям Тролле; а в плохую погоду собираемся под мостом.

Кларисса попыталась представить, каково это – и зябко поёжилась.

– Вам, наверное, очень плохо…

– Шутишь! – Томми независимо вздёрнул нос. – У нас самая развесёлая жизнь! Никто нам не указ – ни дворники, ни полиция; делаем всё, что захотим, поняла? Зимой бывает трудновато, это верно… Зато летом – одно сплошное удовольствие! Конечно, если найдёшь чего пожрать – прагматично добавил он. – Кстати, у тебя случайно нет с собой корки хлеба?

Кларисса покачала головой.

– Жаль… А принести из дома можешь? Лучше бы, конечно, пару монет…

– Не получится; еду здесь дают только за столом… – тут девочка вспомнила о собранной утром корзинке с провизией. – Подожди, я сейчас!

Она опрометью бросилась в дом, добежала до своей комнаты, распахнула дверь… И застыла на пороге, как вкопанная. Хозяйский мальчишка самозабвенно копался в её вещах; это занятие так увлекло его, что он даже не сразу обратил внимание на Клариссу.

– Ты… Ты что делаешь?! – возмущённо задохнулась девочка. Мальчишка вздрогнул и быстро спрятал руки за спину; впрочем, увидав, что Кларисса одна, тут же расслабился и нахально улыбнулся.

– Подумаешь! Что, уже и посмотреть нельзя?

– Как ты можешь рыться в чужих вещах! Я… Я всё расскажу про тебя!

– А тебе всё равно никто не поверит! – рыжеволосый скорчил гримасу. – Уродина!

– И вовсе я не уродина!

– Ага, конечно… Ты хоть в зеркало на себя смотрела когда-нибудь? Даже Йойо сказал, что ты больная! И вобще, это мой дом, а не твой; так что я могу тут делать всё, что захочу! – он внезапно наклонился и выхватил из узелка с Клариссиными вещами первое, что попалось

под руку. Это была отороченная мехом сумочка, подарок отца. В ней Кларисса хранила свои «сокровища» – брошку из черепахового панциря в серебряной оправке, заколку для волос, крохотную фарфоровую куклу и несколько разноцветных стеклянных шариков. Девочка негодующе вскрикнула и метнулась к рыжему мучителю; но тот со смехом увернулся и торжествующе встряхнул свой трофей. Стеклянные шарики жалобно брякнули внутри.

– Ну-ка, посмотрим, что у тебя тут… – он нарочито-неторопливо нащупал застёжку.

– Я бы не советовала тебе это делать – очень спокойно произнесла Кларисса.

Должно быть, в её тоне прозвучало нечто особенное; мальчишка даже заколебался на мгновение. Но испорченная натура быстро взяла своё: глядя ей в глаза и нагло ухмыляясь, он отщелкнул застёжку и сунул пятерню внутрь.

Кларисса успела зажать ладонями уши. Как и все изделия, вышедшие из рук капканных дел мастера, сумочка имела один весьма зловредный секрет. Забывать о нём не следовало ни при каких обстоятельствах…

Маленькая, но мощная потайная пружина звонко щелкнула, смыкая обтянутые замшей стальные дуги на пальцах агрессора. Лицо мальчишки немедленно налилось кровью; щеки стали густо-пунцовыми. Судорожным движением он глотнул воздух – и оглушительно заорал.

– Давай помогу… – жалостливо прошептала Кларисса, вспомнив, как сама однажды забыла повернуть потайной рычажок.

Мальчишка орал, прерываясь лишь для того, чтобы набрать в лёгкие побольше воздуха. Из выпученных глаз градом катились слёзы. Девочка потянулась к его руке, но рыжеволосый вдруг с силой оттолкнул её и бросился прочь, ни на секунду не переставая вопить. Кларисса вздохнула. Похоже, назревает скандал; надобно торопиться… Корзинка с провизией была тут; по счастью, хозяйский мальчишка не успел её разворошить.

– Ух ты!!! Это что, всё мне?! Правда, что ли?! – недоверчиво протянул маленький оборванец, когда запыхавшаяся девочка сунула ему в руки презент.

– Слушай, здесь так много… Тебя не будут ругать?

– Не будут, не бойся – это всё моё… А теперь тебе надо уходить.

Томми перекинул ногу через ограду.

– Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, ты её получишь, чего бы мне это не стоило! – торжественно произнёс он, стукнув себя кулачком в грудь. – Меня можно найти под Республиканским мостом, его ещё называют Королевским… Спросишь Томми Секунду, меня там каждая собака знает!

Дверь черного входа распахнулась, выглянула экономка.

– Эй, юная дама, с кем это ты там болтаешь? А ну-ка быстро иди сюда!

Томми словно ветром сдуло. Кларисса, понурившись, побрела обратно – и у самых дверей была крепко взята за ухо.

– Что это ты себе позволяешь, а?! Убегаешь из дому, якшаешься со всяким отребьем… И как ты посмела обидеть молодого мастера?!

– Я его не трогала! Он сам виноват! Отпустите! – девочка попыталась вырваться, но экономка вдруг с такой силой крутанула ей ухо, что из глаз Клариссы брызнули слёзы.

– Я тебе покажу, как со мной спорить! Мерзавка! – прошипела Магния, буквально волоча её за собой.

В гостиной собрались почти все обитатели дома. Дама с прической-кактусом встретила Клариссу холодным взглядом немигающего голубого глаза. Рыжий мальчишка тоже был тут: кричать он перестал, только ныл – но всё так же безостановочно. Горбун Йойо, придерживая на весу его защемлённую руку, перебирал разложенные на столе инструменты. На плечи его был накинут пропахший карболкой докторский халат. Дворецкий Виттиго в ожидании распоряжений застыл рядом.

– Интересно, как же это ты умудрился; крайне интересно… – задумчиво приговаривал Йойо под аккомпанемент тихого воя. – А ну-ка, Юджин, постой хоть немного смирно…

Вой на секунду сделался громче.

– Мда, странно…

– Позвольте мне! – Клариссе удалось наконец освободить своё ухо из цепких пальцев экономки. Украдкой смахивая слёзы, она подошла к пострадавшему и взялась за сумочку. Мальчишка тут же взвыл с новой силой и попытался отдёрнуть руку; но горбун был начеку и держал крепко… Девочка нащупала потайной рычажок. Сумка-ловушка негромко клацнула и упала на пол; стеклянные шарики раскатились по всей комнате. Рыжий страдалец, всхлипывая, с ужасом таращился на распухшие пальцы.

– Это не так страшно, как кажется! – вынес вердикт Йойо спустя несколько минут. – Все кости целы. Поболит, конечно; но тут уж ничего не поделаешь… Я поставил свинцовую примочку и забинтовал; через пару дней всё пройдёт.

– Это ты виновата! – мальчишка с ненавистью посмотрел на Клариссу.

– Неправда!

– Вы, кажется, хотите что-то сказать в своё оправдание, юная дама? – ледяным тоном осведомилась госпожа Двестингаусс. – Я вас внимательно слушаю…

– Девочка вряд ли виновата – примиряюще улыбнулся Йойо; он поднял сумочку Клариссы и теперь с интересом её разглядывал. – Какая любопытная вещица!

– Выбросьте эту гадость подальше – брезгливо скривилась госпожа Двестингаусс.

– Нет! Это подарок моего отца! – воскликнула Кларисса. – Вы не смеете…

– Вы, кажется, забыли, в чьём доме находитесь, милочка! – грозно нахмурилась хозяйка. – Запомните; тут я отдаю распоряжения! Виттиго – немедленно выкиньте это вон!

Кларисса беспомощно всхлипнула, глядя вслед дворецкому.

– Извольте отправиться в свою комнату и сидеть там до ужина! – изрекла госпожа Двестингаусс и величаво удалилась. Йойо собрал свои инструменты в саквояж, с некоторым сочувствием глянул на девочку и протянул ей маленькую фарфоровую куклу в тюлевом платьице, выпавшую из сумочки во время манипуляций. Кларисса спрятала любимую игрушку под фартук.

Остаток дня она провела в каморке. Наказание, хотя и несправедливое, вовсе не было для неё таким уж строгим. Они часто переезжали с места на место – как теперь понимала Кларисса, из-за таинственных врагов отца; и девочке не раз приходилось подолгу оставаться в одиночестве. К тому же, ни один из обитателей дома не вызывал у неё симпатии.

«У нас похитили все драгоценности!» – пожаловалась кукла.

Кларисса посадила её на подоконник.

– Всё могло быть гораздо хуже, Цецилия! Главное – ты цела. А драгоценности…

«Да-да, драгоценности!» – запричитала Цецилия. – «Там было три красных шарика, это значит – три рубина; пять изумрудов и синий… Я не помню, как он называется, но он самый драгоценный, потому что один!»

– На нас напали разбойники, ограбили и взяли в плен; а нам чудом удалось от них бежать! – нашлась Кларисса. – Значит, всё не так уж плохо… И потом – вдруг удастся найти что-нибудь из потерянного; не сейчас, конечно… Позже.

«Ну, раз так, то ладно» – со вздохом согласилась Цецилия. «Давай смотреть, что творится за окном. Только, пожалуйста, принеси мне что-нибудь; здесь жестко сидеть».

Девочка достала из кармашка свой платок и сложила его несколько раз пополам, так что получился прелестный кружевной пуфик.

– Теперь удобно?

«Да, спасибо, так замечательно… До чего всё-таки много народу на этой улице!»

– Неудивительно, это же центр города, а мы с тобой до сих пор жили на окраинах… Ух ты, смотри, какой экипаж!

«Ага, роскошный; только весь забрызганный грязью, до самого верха… Наверное, едет издалека. А следом за ним самодвижущаяся карета, на ней грязи нет совсем. Чёрный лак так и блестит…»

– Да, она как новенькая… Только, знаешь – она мне совсем не нравится! – молвила Кларисса.

«Почему?»

– Ну… В ней что-то неприятное; неужели не чувствуешь?

«Не понимаю, о чём ты» – пожала фарфоровыми плечиками Цецилия. «Мы ведь с тобой уже видели самоходные кабриолеты. Этот немножко покрупней, и у него два длинных решетчатых фонаря сзади; такие бывают на кораблях – только здесь они почему-то синие. А в остальном, ничего особенного… Он даже симпатичнее прочих – весь начищен, надраен! Нет, лошадки мне, конечно, нравятся больше...»

Карета меж тем поравнялась с окном… И внезапно замедлила ход. Девочка вцепилась пальцами в подоконник. Дышать сделалось нечем; из комнаты словно бы разом выкачали весь воздух. В лицо уперлась невидимая упругая ладонь, отталкивая, отжимая назад… Всё это продолжалось какие-то мгновения; но вот серебряные спицы колёс замелькали в прежнем ритме, и одновременно исчезло ощущение невыносимого давления, заполнявшее каморку. Спустя несколько секунд карета скрылась из вида. Кларисса облегченно перевела дух. Коленки дрожали. Ощущение страшной опасности исчезло так же внезапно, как и появилось. «Что с тобой?» – обеспокоено спросила Цецилия. «Не знаю» – мысленно ответила ей девочка. – «Может быть, мне просто почудилось...» «Конечно, почудилось! Давай лучше сыграем в слова; но называть можно только то, что видишь за окном».

Цецилия порой бывала глуповата, однако её легкомыслие частенько оказывалось лекарством от страхов и дурного настроения; так что вскоре Кларисса выбросила случившееся из головы.

Для маленькой гостьи настали странные дни. Выходить на улицу одной девочке запретили, даже во внутренний дворик. Теперь подышать свежим воздухом можно было только одним способом, открыв нараспашку окно и впустив в каморку холодный осенний ветер. Зато противный Юджин больше не донимал её; хотя и корчил рожи всякий раз, встретив за столом. Собственно говоря, эти чопорные завтраки, обеды и ужины были единственной возможностью лицезреть семейство Двестингаусс. В дневное время дом казался вымершим; тишину лишь изредка тревожила деловитая поступь экономки или шаги дворецкого. Зато поздно вечером и ночью… О, ночью совсем другое дело! Повсюду расползались непонятные шепотки и шорохи, из дальних комнат доносились чуть слышные голоса, скрипел под тяжестью чьих-то шагов рассохшийся паркет. А ещё Кларисса слышала музыку, дикую и невнятную – а может, это просто ветер гудел в дымоходах? Как-то раз девочка осторожно попыталась расспросить о странных звуках экономку.

– Вздор! – фыркнула Магния, не дослушав сбивчивого рассказа Клариссы. – Госпожа Двестингаусс терпеть не может музыки; у неё тотчас начинается мигрень. А вам, юная дама, я бы дала совет спать по ночам, а не подслушивать и не выдумывать потом всякую чушь!

– Примерно такого ответа я от неё и ожидала! – посетовала девочка Цецилии после того, как очередной безвкусный завтрак объединил ненадолго обитателей дома. – Всё-таки она просто жуткая грубиянка, правда?

«Ну, раз ты знала, что всё так будет – зачем тогда спрашивала?» – резонно возразила кукла и неожиданно добавила: «Лучше попробуй поговорить с этим горбатым доктором. По-моему, он тут единственный, кто относится к тебе нормально».

– Да, но мне ужасно не нравится его манера всё время теребить что-то руками. Эти пальцы, прямо как пауки... Всё время кажется, что он сейчас начнет дотрагиваться мне до лица. Бр-р!

«Но остальные ещё хуже…»

Девочка вынуждена была признать, что Цецилия права. Скорей бы вернулся дядя Эрл! Где-то он сейчас…

(Кларисса не знала, конечно, о печальной судьбе Птицелова. Увы; Эрл уже ничем не мог помочь своей маленькой подопечной. Тело его покоилось на кладбище, где хоронили обыкновенно бродяг и нищих – часто даже без гроба. Коронер долго не решался дать добро на погребение, задумчиво вертя в руках пистолет старика – изящный одноствольный «Драбант» фортуганского производства. Такие вещицы обожало приобретать офицерство – отечественные «мопсы» имели чудовищно тугой спуск и некудышнюю кучность; но чтобы подобное сыскалось у нищего? «Украл где-нибудь» – решил наконец коронер, медленно поднимая ствол на уровень глаз и целясь в пустой угол. Рукоять с костяными накладками чертовски удобно лежала в ладони. Пожалуй, не стоит заносить его в протокол. Времена теперь беспокойные; а мелкий чин вроде него, к тому же обременённый семьёй и детьми, не может позволить себе лишних расходов. Начальству же знать некоторые малозначительные подробности этого дела совершенно необязательно… Примерно так же рассуждали и полицейские, обнаружившие труп; деньги капканщика были разделены промеж ними ещё до того, как тело попало в мертвецкую.)

Возможность поговорить с Йойо представилась неожиданно: горбун сам обратился к ней за ужином, игриво заметив:

– Ходят слухи, милая барышня, что вам плохо спится по ночам!

Кларисса вздрогнула от неожиданности.

– Нет; то есть, не совсем…

– Так всё же, нет или да? Если вас мучает бессонница, то я, как семейный доктор, пропишу вам ту же микстуру, что принимает мастер Юджин. Очень хорошо помогает!

Рыжий мальчишка тут же сделал вид, будто его тошнит.

– Ну-ну; не такая уж она противная – добродушно покачал головой Йойо. – К тому же, чтоб было вкуснее, я всякий раз добавляю в ложку капельку мятного ликёра.

– Всё равно гадость! – буркнул Юджин. – Пускай она тоже пьёт!

– Я хорошо сплю! – твёрдо сказала Кларисса. – Просто, иногда по ночам я слышу разные звуки…

– Какие, например? – внезапно осведомилась госпожа Двестингаусс.

Девочка смутилась.

– Что-то вроде музыки, такой странной… И голоса, они то ли молятся, то ли… Читают хором стихи…

Памятуя о грубости экономки, Кларисса ожидала услышать резкую отповедь. Она сидела, потупив глаза, и поэтому не заметила, как взрослые перекинулись над её головой быстрыми тревожными взглядами.

– Пожалуй, тебе стоит заглянуть в мой кабинет после обеда! – задумчиво сказал доктор, катая в уголке рта зубочистку. – Да, определённо стоит…

– Но я же здорова… – робко возразила Кларисса.

– Это не тебе решать – холодно откликнулась Аида Двестингаусс. – Кстати сказать, на твоём месте я бы поблагодарила тех, кто заботится о твоём самочувствии, вместо того, чтобы вступать в пререкания! Конечно же, доктор, осмотрите её… Если девочка больна, нам следует об этом знать.

«Не надо было затевать разговор!» – прикусила язык Кларисса. Что-то определённо стояло за всем этим; но *что*?

Врачебный кабинет разместился на третьем этаже дома; сюда Кларисса ещё ни разу не поднималась. Хозяйство горбуна было довольно обширным. Большую часть комнаты занимали высокие, уходящие под потолок шкафы с книгами и медицинскими инструментами; но внимание девочки сразу привлёкла фарфоровая голова. Сделанная в натуральную величину, она располагалась на специальной круглой подставке с высокой ножкой. Выразительное, мастерски изваянное лицо казалось почти живым; а лысый череп покрывала сетка плавно изогнутых линий и мудрёные надписи. Выглядело это всё страшновато – но и притягательно одновременно.

– То, на что ты сейчас смотришь, называется френологической моделью – раздался голос Йойо. Доктор, поблёскивая моноклем, с любопытством наблюдал за своей пациенткой. – Понимаешь, по форме и размеру костей черепа можно сказать весьма многое о характере человека, о его предрасположенностях, темпераменте; ну, и прочее… Для практикующего врача вещь чрезвычайно ценная. Между прочим, мастер Юджин боится её до истерики, хотя это всего-навсего фарфор, ничем принципиально не отличающийся от фарфора чашек или полоскательниц… Я надеюсь, ты не подвержена столь глупым страхам?

– Нет… Она похожа на Виттиго – неожиданно добавила Кларисса.

Доктор важно кивнул.

– Да, у нашего почтенного дворецкого великолепно развиты некоторые шишки и впадины… Впрочем, у каждого человека имеются свои особенности. Ну что же, раз не боишься, присаживайся вот сюда…

Едва Кларисса устроилась в кресле с низенькой спинкой, как пальцы горбуна проворно забегали по её голове. Девочка съёжилась, но деваться всё равно было некуда. Приходилось терпеть.

– Любопытно, очень любопытно… – приговаривал Йойо. – Совершенно подтверждает мои первоначальные предположения…

– Скажите, почему вы назвали меня больной? – отважилась спросить Кларисса.

– Больной? Я? Что-то не припомню! – удивлённо сказал горбун, ни на секунду не прерывая манипуляций.

– Юджин обозвал меня уродиной, а вы ответили, что это такая болезнь…

– А, вот ты о чём… – голос Йойо прозвучал несколько виновато. – Не обращай внимания, он славный мальчуган, хотя немножко избалованный… Гм… Я, собственно, имел в виду твою внешность…

– Я что, и вправду такая некрасивая?

– Да нет же! – смущенно рассмеялся доктор. – Ты чрезвычайно милый ребёнок; просто… Как бы тебе сказать… С научной точки зрения, в твоём организме не хватает некоего вещества, пигмента. Из-за этого у тебя очень светлая кожа и волосы, и радужка глаз имеет розовый оттенок… Ты замечала, наверное, что солнечные лучи обжигают тебя сильнее, нежели прочих?

– Да, и поэтому папа разрешал мне не ложиться допоздна… Я часто спала днём, а если надо было выйти на улицу в солнечную погоду, одевала платье с длинными рукавами и шляпку. Никто никогда не говорил мне, что это болезнь!

– О, конечно же, не такая, как, допустим, инфлуэнца… Этот недуг вовсе не губителен. Кстати, он частенько передаётся по наследству. Скажи, у тебя в роду не было альбиносов? В смысле – таких же беловолосых, как ты?

– У отца тёмные волосы; просто немножко седые… А других родственников у меня нет.

– Вот как? Гм, бедная сиротка…Ну что же – тут Йойо наконец закончил ощупывать её голову. – Полагаю, в основном ты здорова; просто хрупкая натура в сочетании с тонкой

душевной организацией делают тебя крайне чувствительной к окружающему… Весьма ценное качество, надо сказать; хотя ты этого пока не понимаешь. Ладно; беги к себе.

Кларисса была уже на пороге, когда горбун неожиданно окликнул её.

– Кстати говоря, по поводу музыки и прочего… Тебе и впрямь интересно, что здесь творится по ночам?

– Да… – сердце девочки вдруг тревожно забилось.

– В таком случае, почему бы тебе не посетить нынче вечером курительную комнату? Знаешь, где это? По галерее налево, последняя дверь… Впрочем, неважно. Я попрошу Аиду, чтобы она прислала за тобой.

Всё это было сказано с небрежной интонацией, как бы между прочим; но Кларисса ясно различила в голосе Йойо напряженные нотки.

У начала скрипучей лестницы её поджидал хозяйский мальчишка. Веснущатая физиономия Юджина лучилась коварством.

– Слыхала новость? К нам в гости приезжает мой кузен Волли!

– Правда? – вежливо сказала Кларисса. – Я рада за тебя…

– Ага… Ты ещё не так будешь рада, когда я вас познакомлю! – мерзко хихикнул Юджин. – Вдвоём мы тебе такое устроим, что ты запомнишь надолго!

– Послушай, но я же тебе ничего не сделала! Почему ты всё время меня задираешь?

– Потому что ты уродина! – Юджин скорчил рожу. – Тебе здесь не место, поняла, красноглазая? Убирайся прочь из моего дома!

– Если бы я могла, то и секунды бы здесь не осталась!

Горечь расставания и обиды последних дней вдруг разом всколыхнулись в её душе. Она уже готова была расплакаться – но тут в глазах рыжего мучителя мелькнуло торжество; и Кларисса из гордости решила не доставлять ему такого удовольствия. Самым правильным было молча уйти к себе; но Юджин, как на зло, загораживал путь.

– Дай мне, пожалуйста, пройти… – ещё не закончив, девочка поняла, что говорить этого не следовало; и верно – мальчишка тотчас расставил руки, полностью перекрыв проход.

– А вот и не дам! Что ты мне сделаешь, а? Толкнёшь? Ну, попробуй только!

Кларисса вздохнула. Когда-нибудь ему надоест так стоять, решила она.

– Мы с Волли любим играть в охотников! – ухмыльнулся Юджин. – А в этот раз охотиться будем на тебя!

– Ну, а я никуда не выйду из своей комнаты.

– Выйдёшь-выйдёшь, как миленькая! И вот тогда…

– Белая голова передаёт тебе привет! – вдруг сказала Кларисса. Мальчишка от неожиданности споткнулся на полуслове.

– А?

– Белая голова. Фарфоровая. Из врачебного кабинета – отчеканила девочка. – Я разговаривала с ней; и она сказала, что придёт к тебе этой ночью. Будет ждать за дверью; а когда ты заснёшь… Ну, ты сам увидишь – собрав в кулачок всё своё хладнокровие, Кларисса гордо вздёрнула нос и шагнула мимо растерявшегося на миг Юджина.

– Врёшь! Ты всё врёшь! Уродина красноглазая! – донеслось ей вслед.

Острый нос люгера резво рассекал озёрную волну. Драгга мрачно глянул на затянутый тучами горизонт и отломил квадратик от плитки жевательного табака.

– Нервничаешь, старина? – весело спросили сзади.

Старпом вздрогнул и обернулся, встретившись глазами с хитрющей смуглой физиономией. Черные как смоль волосы шкипер носил собранными на затылке в пышный хвост, по-фортугански; да и одевался на тамошний манер – широкополая шляпа, короткий бумазейный кафтан с крупными медными пуговицами на петлях и просторные замшевые штаны, заправ-

ленные в низкие полусапожки. Одним словом, типичный вардевальский разбойник, «дивий братец». Для полноты картины не хватало лишь мушкета в руках и пары пистолетов за поясом; впрочем, старпом знал – и то, и другое на корабле имеется. Буркнув что-то невразумительное, понимай как знаешь, Драгга сунул остро пахнущую табачную пластинку в рот и ссутулился.

– Да, ветерок крепчает! – шкипер усмехнулся. – Впрочем, нам это на руку.

– Ежели погода не переменится, завтра утром подойдём к истоку Грифоники… – невнятно проворчал Драгга, кутаясь в полы просторного рыбацкого плаща.

– И? – Шкипер весело заломил бровь. – Сдаётся мне, любезный мой друг, ты что-то недоговариваешь...

– Пассажир – рубанул старший помощник, почуяв в голосе собеседника иронию. – Ты знаешь, Куяница, я редко лезу в твои дела; но уговор…

– То, что нам заплатили деньги, вовсе не значит, будто мы обязаны плясать под чью-то дудку, Драгга. Это означает всего лишь, что нам заплатили деньги. К тому же, наш анонимный доброжелатель ни словом не обмолвился о том, когда и где всё должно свершиться.

– Было сказано: сделайте так, чтобы его долго искали, но не нашли. Тут и дураку ясно! – Драгга понизил голос и наклонился к шкиперу. – Чего зря терять время; нынче же ночью вышвырнем этого типа за борт, и баста! Вода холодная, долго он не протянет…

– А если увидит кто-нибудь из матросов?

– Шкип, да парни за вас в огонь и в воду! – Драгга стиснул пудовые кулаки. – Никто даже не пикнет; и на берегу все будут держать рты на замке!

– Ну конечно, до первого кабака; а то ты их не знаешь... Тебе-то, любезный Драгга, этот парень чем насолил?

– Да не в нём дело! – досадливо сплюнул старпом.

– А в чём же тогда? Или полученные денежки жгут тебе руки?

– Может, и впрямь – жгут! Скажи-ка, шкип – тут двухметровый Драгга вновь склонился к самому уху Куяницы. – Скажи-ка, что ты знаешь о нашем друге, который так щедро платит за душегубство?

– Немногое. Нас свёл вместе знакомый контрабандист. Он, конечно, подставное лицо; похоже, большой мастак по части всякого рода скользких поручений. А вот за ним наверняка стоят те, кто играет по-крупному…

– Болтают, он посланец самого дьявола! – зашептал вдруг Драгга, незаметно скрестив пальцы от сглаза. – Старые моряки поговаривают, будто он является, непременно в туман или бурю, чтобы предложить тебе сделку; и поначалу всё кажется чертовски выгодным дельцем… Да только потом и сам будешь не рад, что согласился! А те, кто не выполнил контракт, теряют…

– Теряют что?

– Свою душу…

Шкипер вдруг звонко расхохотался.

– Сам-то я не больно верю во все эти россказни – смущённо прохрипел старпом. – К тому же, за мной и так много всякого… Но ежели тут и впрямь замешана чертовщина, не пришлось бы нам пожалеть!

– Я, знаешь ли, родом из-под Вардеваля – весело сверкнул глазами Куяница. – Есть у нас пословица: вардевальские удальцы не боятся ни черта, ни дьявола, а случись повстречать – объегорят и того, и другого. Мы с тобой и впрямь мало что знаем о нашем таинственном благодетеле; только вот, если поспешим выполнить его желание – вряд ли узнаем больше…

– Так, может, наведаемся к *этому* в каюту да порасспросим хорошенько, кому он там наступил на хвост? – великан Драгга хрустнул пальцами. – Заодно вещички его перетряхнём. Глядишь, и познаем чего интересного!

– Не спеши… Я вовсе не хочу, чтобы наши ребята пошли трепать почём зря языками в кабаках Санбризанны. Но вот потом, когда мы выйдем в море Атлантов…

Старпом щербато ухмыльнулся, потом нахмурился.

– А что, если он сойдёт где-нибудь на берег, в той же Санбризанне или Монке, к примеру?

– Тогда зачем было искать корабль, направляющийся в Зюйдландию? Удальцов вроде нас – раз-два и обчёлся; да и цену, признаться, я заломил безбожно… Нет, любезный мой Драгга; путь нашему пассажиру предстоит неблизкий… Хотя, может, и покороче, чем он думает.

Глава 3

Стук в дверь раздался уже затемно – деликатный, но настойчивый. Кларисса, очнувшись от грёз, испуганно вздрогнула.

– Кто там?

– Госпожа Двестингаусс просит пожаловать к ней – голос Виттиго звучал, как всегда, чопорно и сухо.

Девочка наспех пригладила волосы и двинулась вслед за провожатым. В руках у дворецкого был ночник – маленький, на одну свечу, канделябр с удобной бронзовой ручкой. Света от него едва хватало, чтобы различать пол под ногами; длинные коридоры и узкие скрипучие лестницы заполняла тьма. Они поднялись на третий этаж и прошли в самый дальний конец крытой галереи. Виттиго открыл двери и посторонился, пропуская Клариссу вперёд; но девочка замешкалась на пороге при виде открывшейся сцены.

Курительная комната и впрямь выглядела необычно. Все окна закрывали плотные тяжелые шторы, спускавшиеся до самого пола. На стенах висели пыльные гобелены; с них корчили страшные рожи древние маски – отцу как-то раз принесли такую, клыкастую и пучеглазую, треснувшую пополам. «Предметы тёмного культа» – ворчал тогда капканщик, аккуратно склеивая старое, источенное жучками дерево. – «У коллекционеров эта рухлядь стоит бешеных денег». В высоких массивных шандалах горели свечи; Кларисса никогда таких не видела – красные, толщиной в руку взрослого человека.

Прямо напротив дверей полулежал в своём кресле на колёсиках старик-мумия; тонкая ниточка слюны, чуть заметно поблёскивая, свисала с его подбородка. Горбун Йойо расставлял на маленьком столике аптечные склянки, доставая их из докторского саквояжа; при виде девочки он улыбнулся и ободряюще кивнул ей. Тут же были и двойняшки; Кларисса уже знала, что зовут их Дорис и Молли. Обе сестры сидели тихо, как мышки, чинно сложив ладони на коленях – словно маленькие примерные девочки. Аида Двестингаусс расположилась в углу; среди густых теней чуть заметно покачивалась её прическа-кактус.

Виттиго легонько подтолкнул Клариссу в спину и плотно закрыл дверь. Доктор нервно потёр руки.

– Ну что же, милое дитя; у тебя, конечно, есть к нам вопросы… Итак, для начала – имею честь представить тебе спиритический кружок под патронажем нашей несравненной хозяйки, Аиды Двестингаусс и её мужа Эзры.

– Она же не понимает ни слова из того, что вы говорите, Йойо! Посмотрите на её лицо! – в голосе госпожи Двестингаусс сквозило раздражение.

– Сейчас объясню… Видишь ли, Кларисса, мы – учёные, естествоиспытатели; те, кто пытается проникнуть в святая святых мироздания, познать тайны потусторонних сил. Само слово «спириты» происходит от пробрианского «спиритус», то есть «дух».

– Вы изучаете духов?

– Да, совершенно верно – духов и другие явления потустороннего мира. Надеюсь, тебя это не очень пугает?

– Немножко – ответила девочка; ей и впрямь было не столько страшно, сколько интересно.

– Должен сказать, спиритические общества сыграли весьма значительную роль в нашей истории – увлечённо продолжал горбун. – Как ты, может быть, знаешь, революция, свергшая монарха и установившая в нашей стране республиканское правление, выплеснулась на улицы как раз благодаря им. Господин Эзра и госпожа Аида, кстати сказать, сыграли далеко не последнюю роль в событиях тех дней…

– Ближе к делу, Йойо – нетерпеливо хмыкнула госпожа Двестингаусс.

– Да-да, конечно… Ежели помнишь, я говорил о твоей необычайной чувствительности. Именно это качество делает тебя весьма ценной для наших исследований; иначе ты не стояла бы здесь… Да! Надеюсь, ты понимаешь, что всё происходящее должно оставаться в тайне?! Об этом никому нельзя рассказывать – ни-ко-му!

– А дяде Эрлу? – робко спросила Кларисса.

– О, ему, полагаю, можно – госпожа Двестингаусс вновь шевельнулась среди теней. – Но и только. Даже моему сыну не следует знать о том, что здесь происходит.

– Юджин, к сожалению, напрочь лишен необходимых духовидцу качеств – несколько досадливо согласился горбун. – Результаты френологических исследований совершенно недвусмысленны… Ты поняла нас, Кларисса? Даже не думай заводить с ним беседы на эту тему!

«Они что, и впрямь полагают, будто я могу дружески болтать о чём-то с этим рыжим?!» – искренне изумилась девочка.

– Существуют различные способы для связи с потусторонним миром – продолжал меж тем Йойо. – Сегодня мы используем один из самых простых, крутящийся столик. Но я должен предупредить тебя: во время сеансов духи порой могут говорить непосредственно устами кого-нибудь из присутствующих. Случись такое – не пугайся; а если ты сама вдруг почувствуешь, будто с той происходит нечто странное, необычное – не противься этому! Напротив, отдайся ему; попытайся раствориться, забыть про собственное «я»…

– Вы слишком много говорите, Йойо – госпожа Двестингаусс встала. – Пусть всё идёт своим чередом.

Присутствующие тесно, локоть к локтю, рассаживались вокруг столика. Для Клариссы приготовили специальное кресло с высоким сиденьем. По левую руку от неё расположилась одна из сестёр-двойняшек; то ли Дорис, то ли Молли – девочка не научилась разбираться, кто есть кто. Соседом справа оказался паралитик Эзра; доктор подкатил его вплотную и уложил две бледные, в крупных родимых пятнах руки на край столешницы. Кларисса сморщилась – от старика ощутимо попахивало.

– Всё просто – шепотом объяснил суть предстоящего действа Йойо. – Твои пальцы давят на внешний обод с определённой силой. В зависимости от этого внутренний круг начинает вращаться. На нём нанесены буквы; читать следует ту, что останавливается напротив стрелки. Ты должна максимально расслабиться и освободить свой разум от мыслей.

– Согласно давней традиции, спиритуальную мистерию следует предварить музыкой и ароматными курениями, дабы настроиться на нужный лад – возвестила Аида Двестингаусс. – Однако сегодня мы обойдёмся без этого; у меня, кажется, начинает разыгрываться мигрень... Итак, начнём. Йойо, нынче ваша очередь. Чей дух мы вызываем?

– Поскольку меня крайне интересует состояние дел в политике – с некоторой торжественностью ответил горбун – то я хотел бы призвать дух самого Брауде Тролле!

Это вызвало некоторое оживление среди присутствующих. Двойняшки зашептались, Аида Двестингаусс в сомнении шевельнула глубокими складками возле рта.

– Вы же сами как-то предложили не тревожить тени великих… Ибо под их личиной могут скрываться голодные лярвы тонкого мира.

– И всё же я хочу попробовать! – твёрдо сказал Йойо. – Дух Брауде Тролле, я призываю тебя сюда!

– Дух Брауде Тролле! Мы призываем тебя! – хором откликнулись двойняшки; выпуклые водянистые глаза их обрели странное пустое выражение.

– Дух Брауде Тролле! Ответь, здесь ли ты?

– Здесь ли ты? Ответь!

Внутренняя часть крутящегося столика дрогнула. Кларисса обратила внимание, что помимо букв алфавита там нанесены ещё цифры от нуля до девятки, а также слова «НЕТ» и «ДА». Повращавшись немного, круг замер.

– «Да». Он слышит нас! – благоговейно прошептал Йойо. – Вот видите, Аида, я был прав; сказывается присутствие сильного медиума… Дух Брауде Тролле! Будешь ли ты отвечать на наши вопросы?

Клариссу вдруг посетило странное чувство раздвоения. Одно её «я» вдыхало душный, насыщенный застарелым табачным дымом воздух курительной комнаты. А другое… Другое находилось на улице; стояло под дождём, подняв воротник тяжелого скользкого макинтоша, и вглядывалось с усмешкой в тёмные окна… Нет, не просто в окна, а именно сюда, на неё был направлен этот взгляд; словно плотной ткани штор не существовало вовсе! И снова это ощущение давления, невидимая ладонь великана, толкающая в грудь и лицо! Девочка вздрогнула – и охватившие её чувства развеялись, словно облачка дыма под ветром. Вот только этот тип там, снаружи… Кларисса почему-то была совершенно уверена, что он ей не почудился.

Спиритический сеанс меж тем продолжался своим чередом; горбун напористо спрашивал что-то о войне, о границах и флотилиях… Спустя некоторое время девочка перестала вслушиваться; смысл фраз ускользал от неё, остались лишь отдельные слова. Особенно часто повторялось одно, «Бриллиантида» – звучало это красиво и грозно.

– Давайте заканчивать, Йойо – госпожа Двестингаусс решила, наконец, прервать действо. – Посмотрите, ваша протеже засыпает прямо в кресле; того и гляди, свалится.

Кларисса смутилась; последние минут пять её и впрямь неудержимо клонило в сон.

Напоследок девочку ещё раз настрого предупредили о молчании. «Если ты… Кларисса Квантикки, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Если ты нарушишь данное слово, я буду вынуждена тебя наказать!» – сурово пообещала ей Аида Двестингаусс, кося искусственным глазом.

Очутившись наконец в своей каморке, Кларисса завершила немудрёные приготовления ко сну и хотела уже ложиться, но что-то заставило её подойти к окну. Ночное небо обрушивало на город потоки слёз. Тусклые огни уличных фонарей не освещали ничего, кроме колышущейся стеклянистой завесы. Сквозь тонкую ночную рубашку чувствовался веющий от стёкол холодок – слабый, но неприятный. Девочка поёжилась, вглядываясь в дождливую мглу. Улица казалось абсолютно пустынной; но под аркой дома напротив обозначилось вдруг некое движение. Что-то едва заметно шевельнулось там, ещё более тёмное, чем ночь. Кларисса, затаив дыхание, отступила к кровати и юркнула под одеяло, укрывшись им с головой. Сердце трепыхалось в груди испуганной птичкой; но усталость мало-помалу взяла своё, и девочка уснула.

Утро следующего дня было ознаменовано непривычной суматохой. Громко хлопали двери, в холле слышались незнакомые возбуждённые голоса и смех. «Должно быть, к Двестингауссам приехали гости; наверное, тот самый кузен, которым грозился противный Юджин» – сонно подумала она. В комнате стояла прохлада; вылезать из-под тёплого одеяла страшно не хотелось – и Кларисса позволила себе задержаться в стране сновидений чуть дольше обычного.

– Завтракать! – визгливый голос экономки действовал не хуже пригоршни холодной воды, вырвав девочку из объятий Морфея. – Советую поторопиться, милочка; иначе останешься без еды!

Народу в гостиной прибавилось. На месте рыжего мальчишки теперь сидел сухопарый мужчина в клетчатом костюме-тройке, оживлённо беседуя с Йойо. Паралитик отсутствовал; зато рядом с хозяйкой расположила свои телеса невероятных размеров женщина – столь же

высокая, как мадам Двестингаусс, но раза в два толще, похожая в своём кружевном розовом платье на огромную, плохо сшитую куклу. Место Клариссы также оказалось занято: там бок о бок восседали Юджин и незнакомый толстый мальчик в матроске. При виде девочки хозяйский сынок подтолкнул своего соседа локтем и что-то возбуждённо зашептал ему на ухо. Толстяк повернул коротко стриженную голову, бесцеремонно уставившись на Клариссу. Девочка изобразила лёгкий реверанс и застыла на пороге, не зная, что делать дальше.

– А, это ты! – изволила обратить на неё внимание госпожа Двестингаусс. – Как видишь, твоё место занято. Ступай на кухню, позавтракаешь вместе с прислугой. Магния, отведите… – и вполголоса добавила, обращаясь к своей соседке – Я и забыла про неё… Сиротка, родственница одного из знакомых; не самый милый ребёнок, между нами. И эта ужасная белёсая внешность… Но я просто не могла отказать, ты же понимаешь.

– У тебя зоотое седце, Аида, пвосто зоотое! – сочувственно затрясла подбородками дама в розовом. Голос у неё оказался на удивление звонким и музыкальным; но при этом гостья картавила самым безбожным образом.

«Ну и пусть! Зато не придётся терпеть за едой кое-чьи гримасы!» – подумала девочка. – «Хорошо бы только успеть раньше мальчишек…» Но завтрака, как на зло, пришлось дожидаться долго. Магния куда-то ушла; прислушиваясь к позвякиванию посуды, доносящемуся из гостиной, Кларисса поняла, что опередить своих недоброжелателей ей вряд ли удастся. Наконец экономка, недовольно ворча, плюхнула в щербатую тарелку ломоть подгорелого пудинга.

– В другой раз не дожидайся, пока я тебя позову – буркнула она. – Сейчас у меня и так хлопот полон рот; придётся самой о себе позаботиться.

С трудом одолев безвкусную клейкую субстанцию, девочка покинула кухню. В гостиной к этому времени оставался только горбун, остальные уже разошлись. Перед Йойо медленно остывала чашка кофе с ломтиком лимона, а сам он казался погруженным в изучение утренней газеты. Кларисса нерешительно остановилась.

– Простите…

– Да-да, дитя? – доктор дружелюбно улыбнулся ей поверх листа.

– Я хотела спросить вас… Про вчерашнее… Можно?

– Что тебя интересует?

– Тот… Дух, которого вы вызывали… Кто он такой?

– Брауде Тролле? О, при жизни это был воистину великий человек! – с энтузиазмом откликнулся горбун. – Благодаря ему и его брату Рогиру наша республика стала тем, чем она является сейчас – мощной мировой державой! Неужели ты никогда не слышала этих имён?

Кларисса смущённо опустила глаза.

– Нет…

– Гм… Придётся заняться вашим образованием, юная барышня; не знать таких вещей просто стыдно! – Йойо отложил газету. – Ещё четверть века назад Титания была заурядным королевством; обширным и владеющим морскими колониями, но тем не менее весьма отсталым – по сравнению с той же Фортуганой или даже Пробрианикой.

Драконовские налоги, которыми знать обложила наиболее прогрессивную часть общества, не давали развиваться промышленности и экономике; а тратилась эта уйма денег на различные увеселения и содержание королевского двора. Кстати сказать, у аристократии в те времена вошла в моду новая забава: вызывание духов, или спиритизм. Никто не знает точно, откуда это взялось. Одни говорят, из Итанского Регистрата – ну, Восток всегда считался средоточием различных чудес; другие утверждают, с Юга, из прекрасной и загадочной Зюйдландии – словом, предположений масса, не в них суть… Гм… Знаешь, милая – пойдём-ка в библиотеку; там будет удобнее разговаривать о таких вещах; тем более, ты сможешь посмотреть карты.

– Так вот – продолжал горбун, меряя шагами пространство меж книжных шкафов, в то время как девочка с любопытством разглядывала иллюстрации массивного географического

атласа. – Как и многое другое, спиритизм был для аристократов очередной игрушкой; ничего не значащим пустым увлечением. Вскоре эта мода сошла на нет. Но странное дело: спиритические сеансы всё чаще проводились в среде буржуа; и вскоре клубы духовидцев стали неотъемлемой частью деловой жизни. Как я уже упоминал, недовольство абсолютистской политикой, последовательно проводимой правящим домом, копилось давно; но истинными центрами консолидации таких настроений как раз и выступили сообщества спиритуального толка, во множестве возникавшие в городах.

Йойо ораторствовал; видно было, что он оседлал свой любимый конёк. Многие слова были незнакомы Клариссе, но общий смысл фраз девочка схватывала; и мало-помалу ей открывалась грандиозная панорама событий двадцатипятилетней давности.

– По прошествии всего пары лет подобного рода объединения переродились в настоящую тайную организацию, обладавшую разветвлённой структурой, сосредоточившую в своих руках огромные капиталы и значительные людские ресурсы. Понимаешь, стоило возникнуть кружку вроде нашего, и спустя малое время он становился филиалом этой незримой сети. Недовольство своей судьбой, жажда перемен – это великая движущая сила истории, Кларисса! Нужны лишь руки, способные направить её в нужное русло… И такие руки нашлись. Как и во всякой тайной организации, ядро общества составляла малая горстка посвящённых; остальные же имели весьма смутное представление об истинных целях сборищ. Наверное, именно этим фактом объясняется, почему вспыхнувшие повсеместно восстания явились для властей полнейшей неожиданностью. В то самое время, когда городская чернь уже громила и грабила роскошные дворцы в восточной части столицы, летняя королевская резиденция на берегу озера Сильферра сияла огнями – его величество давал очередной бал... Сейчас там разместилась биржа ценных бумаг и музей Республики.

Огненное колесо революции прокатилось по городам и весям Титании. Страна распалась на несколько враждующих лагерей. Это было тяжелое время, девочка: я хорошо помню те дни… От бывшего королевства отделились северо-западные территории, населённые по преимуществу свободолюбивыми жителями Бубновых гор. Они объявили себя независимым государством Лидиана; в Титании же была провозглашена республика.

– А что королевские войска? – спросила девочка – И куда делись эти… Ну, король и его придворные?

– Слушай дальше… Армия, охваченная разбродом и шатанием, не смогла оказать сколько-нибудь серьёзного сопротивления восставшим, однако флот, старший офицерский состав которого по традиции комплектовался исключительно представителями придворной аристократии, полностью находился под контролем монарха. Это позволило королевскому семейству и большинству старинных знатных родов не только уцелеть в хаосе первых дней революции, но и вывезти немалую толику государственной казны – по озеру Сильферра и Грифонике в море Атлантов, а оттуда, через море Призраков, на острова Бриллиантового архипелага.

– Бриллиантида! – прошептала Кларисса запомнившееся ей вчера красивое слово. Йойо с некоторой торжественностью кивнул.

– Да, девочка… С приходом королевского флота бывшая островная колония получила совершенно иной статус. Архипелаг был провозглашен Королевством Бриллиантида, со столицей на острове Бриллиана. Новоявленная держава не была богата природными ресурсами, однако в её распоряжении находился прекрасный военный флот под командованием опытных адмиралов. Началась эпоха грабительских рейдов к берегам Титании. Дошло до того, что каперские флотилии стали облагать данью чуть ли не всё южное побережье материка, в том числе города Фортуганской торговой республики и Итанского Регистрата, так как король Бриллиантиды подозревал, что шпионы этих государств сыграли свою роль в подготовке революции.

– А они взаправду участвовали?

– Кто же знает? – пожал плечами горбун. – Не исключено, конечно… Но это никоим образом не оправдывает пиратства! Обретя практически полный контроль над южными водами, островное королевство нанесло серьезнейший удар по нашей экономике, перекрыв морскую торговлю с государствами Гранбрианы.

Такое положение дел не могло, конечно, устраивать правительство «республики спиритов», как теперь называли Титанию; и новая власть принимает решение начать строительство собственного военного флота. Однако подобное куда легче было провозгласить, чем воплотить в жизнь – Йойо прекратил мерить шагами библиотеку и рухнул в кресло напротив Клариссы.

– Сейчас даже представить трудно, какой тогда царил хаос! Надёжной связи между городами не существовало; на дорогах орудовали шайки грабителей и мародёров; целые области выкашивали тиф и холера. Вдобавок южные берега то и дело подвергались пиратским нашествиям; люди в отчаянии бежали вглубь материка, города пустели. В этой ситуации предстояло найти силы и средства, опытных инженеров и плотников, качественные материалы... Ты представляешь себе, сколько всего надобно, чтобы оборудовать один – всего один! – военный корабль? Я уже не говорю о наборе и обучении команды… Дело казалось попросту безнадёжным; даже время работало против Республики – ведь стоило островному королевству собрать силы для вторжения, и страна вновь оказалась бы брошенной в пожар братоубийственной войны.

Рогир и Брауде Тролле были сыновьями ремесленника; ни один из них не имел сколько-нибудь серьёзного образования; за исключением суровой школы жизни. По слухам, оба в своё время принимали активнейшее участие в тайной деятельности спиритических обществ. Революция стала для братьев настоящим откровением. В те дни рушились вековые устои; и облечённый властью мог быть в одночасье втоптан в грязь, а безродный бродяга – вознестись к вершинам успеха…

Братья Тролле сумели убедить руководство республики принять другую стратегию, куда менее расточительную. Она предусматривала создание вдоль побережья цепи крепостей; причем в таких местах, где они были бы максимально защищены от корабельной артиллерии пиратов. Между крепостями предполагалось установить постоянное сообщение при помощи гелиографов. Отряды летучей кавалерии выдвигались на позиции при первых же признаках угрозы с моря, благо, дороги вдоль побережья содержались в хорошем состоянии. Но помимо сухопутной кавалерии братья предложили создать нечто доселе невиданное – кавалерию морскую!

Йойо открыл книжный шкаф и извлёк тонкий альбом.

– Ой, какая прелесть! – Кларисса не смогла удержаться от восклицания, разглядывая великолепные гравюры, проложенные листами полупрозрачной рисовой бумаги.

– Да; гиппокампусы, или дельфино-кони, знакомы жителям южного побережья уже давно… Это прекрасные и гордые животные; хотя, конечно, сходство их с лошадьми случайно. С точки зрения зоологии они гораздо ближе к морским млекопитающим, тюленям – но выглядят, согласись, куда более фантастично… К слову сказать, они столь же неповоротливы на суше…

– А у нас они водятся?

– Нет, к сожалению – улыбнулся горбун. – Воды Сильферры слишком холодны для этих созданий, они просто не выживут здесь. А вот Залив Дождей является исконным местом их обитания; именно там и формировались первые отряды морских гусар. Это были отчаянные смельчаки, девочка: абордажные команды, атаковавшие пиратские корабли на подходе к нашим берегам, а зачастую и в открытом море, за несколько миль от побережья… Братьям Тролле удалось создать весьма эффективную систему обороны, обезопасив наши южные границы. Конечно, это никоим образом не решило проблему пиратства – государства Гранбри-

аны по-прежнему закрыты для регулярной торговли. Лишь немногие отчаянные смельчаки рискуют совершать туда путешествия, далеко стороной обходя Бриллиантовый архипелаг.

– Это опасно?

– Очень опасно, девочка! Пираты Бриллиантиды захватывают любые наши суда, рискнувшие спуститься ниже сорок восьмой параллели… Считают их своей законной добычей!

«А как же папа; он ведь отправился куда-то на юг… Только бы с ним ничего не случилось!»

– Знаешь, у тебя удивительно живое лицо! Приятно, что мой рассказ не оставляет тебя равнодушной. Ты хорошая слушательница; куда лучше Юджина! – похвалил девочку Йойо. – Честно говоря, с удовольствием продолжил бы; но время поджимает. Я должен уделить внимание нашим гостям; а тебе рекомендую испросить у госпожи Двестингаусс разрешения пользоваться библиотекой. Э-э… Если ты умеешь читать, конечно…

– Умею, отец меня научил.

– Ну и прекрасно; в книгах ты найдёшь массу интересного, в том числе и ответы на многие вопросы. А сейчас, увы; прошу меня извинить…

Всё ещё находясь под впечатлением от рассказа, Кларисса спустилась на первый этаж. Она и думать забыла об угрозах Юджина; но подходя к своей комнате, услышала где-то за спиной сдавленное хихиканье. В душе у девочки зашевелились дурные предчувствия. Неужели… Но нет; в каморке всё оставалось по-прежнему. Узелок с вещами никто больше не трогал, разложенные на стуле мелочи вроде бы тоже. Для очистки совести Кларисса подняла кружевной платочек – сегодня он служил Цецилии одеялом…

Куклы не было. Вместо неё лежал скомканный, отвратительно грязный носовой платок и записка.

«Тваю куклу пахитили! Если хочиш увидить иё живой и здаровой, принеси выкуп на третей этаж где леснеца на чирдак» – гласил испятнанный кляксами клочок бумаги. Ниже шла приписка: «Если хоть каму-нибуть скажишь, мы иё убьём. Платок вирни. Разбойники».

Девочка беспомощно всхлипнула. Цецилия была для неё не просто игрушкой – почти подругой, маленькой фарфоровой феей, которой можно было доверить все свои печали и радости. Кусая губы, чтоб не расплакаться в голос, Кларисса стала методично перетряхивать немногочисленные одёжки, надеясь найти где-нибудь завалившуюся монетку. В их прежнем жилище капканщик держал на столе бронзовую пепельницу с крышкой, куда складывалась вся мелочь. «Горшочек лепрекона» – смеялся отец – «наши с тобой сбережения на чёрный день». Увы, во время поспешного бегства им обоим было не до того… Находки выглядели неутешительно: весь её капитал составлял два с половиной тавро. Посидев немного, чтобы успокоиться и не выглядеть зарёванной, девочка направилась на встречу с похитителями. Она так и не успела осмотреть дом полностью и не имела представления, где находится лестница на чердак; но была полна решимости выяснить это. Мысль обратиться за помощью Кларисса отвергла. С рыжего кривляки и его дружка, пожалуй, станется разбить маленькую Цецилию; к тому же справедливость мадам Двестингаусс в отношении собственного чада вызывала у девочки сильные сомнения.

Малолетних злодеев не пришлось долго искать: Юджин и Волли о чём-то нарочито-громко разговаривали, демонстративно не замечая её.

– Верните мою куклу! – требовательно сказала Кларисса.

Толстый мальчик лениво глянул через плечо.

– Мне показалось, кузен, или здесь был какой-то шум?

– Я ничего не слышал, Волли! – нагло ухмыляясь, заявил Юджин – Может быть, ветер?

– Перестань, пожалуйста, притворяться и верни мне то, что ты взял… – Кларисса понимала, что её нарочно пытаются вывести из себя, но ничего не могла поделать: голос предательски дрожал.

– Ну вот, опять… Здесь определённо кто-то есть! – Волли достал из кармана леденец и сунув его за щеку, стал звучно чавкать, перекатывая во рту. По коридору поплыл густой ментоловый запах. – Ты смотри-ка… Это ещё кто?

– Это? – Юджин, словно только сейчас увидев девочку, смерил её презрительным взглядом. – Так, приживалка одна…

– Я принесла вам ваш платок и выкуп… Вот, держите! – Кларисса с отвращением бросила на пол грязный клочок ткани.

– Это же мой носовой платок! Как он попал к тебе?! – притворно возмутился Волли. – И как ты смеешь им швыряться?! А ну-ка, подбери!

– Эй, крыса, ты что, не расслышала?! – Юджин шагнул за спину кузена и поднял руку с зажатой в ней куклой. – Быстро подбери этот платок и проси у нас прощения! Или я её уроню!

– Я пожалуюсь на вас мадам Двестингаусс! – жалобно пролепетала девочка.

– Что-что, я не понял? – Волли сощурился и приложил к уху ладонь. – Что ты сказала? У нас тут, кажется, ябеда, кузен! А знаешь ли ты, пигалица, как поступают с ябедами в гимназии?

Хозяйский мальчишка принялся жонглировать Цецилией, быстро перекидывая из одной руки в другую. Кларисса ахнула и бросилась к нему, но толстяк заступил ей дорогу.

– Если не хочешь, чтобы твоя драгоценная куколка раскололась, делай, что тебе велят! А не то – кр-р-р-рак! Дзин-н-н-нь!

– Ну хорошо… – прошептала девочка, подбирая с пола отвратительный лоскут; но Волли внезапно покачал головой.

– Нет, не так!

– Ты должна встать на четвереньки и подобрать его зубами! – охотно пояснил Юджин.

Кларисса, не веря собственным ушам, смотрела на мальчиков.

– Ну, чего ты ждёшь? – спросил Волли; в его маленьких свинячьих глазках читался неприкрытый интерес. – Давай!

– Давай! – подхватил Юджин. – Считаю до десяти! Раз… Два... Три…

– Я не буду этого делать! – девочка никак не могла принять всерьёз происходящее.

– Не будешь, и не надо – Волли со вздохом обернулся. – Бросай, кузен.

Юджин подкинул куклу к самому потолку – и быстро отступил в сторону, спрятав руки за спину… Осколки брызнули во все стороны. Вскрикнув, девочка упала на колени рядом с любимой игрушкой. Увы! Дубовый паркет оказался слишком твёрдым для Цецилии; её фарфоровое тельце разлетелось на тысячу кусочков. Кларисса подняла крохотную белую ладошку – всё, что осталось от маленькой подруги.

– Чего ты наделал, дурень! – зашипел Волли и всердцах одарил Юджина крепкой затрещиной. – Мы же теперь не получим выкупа! Надо было просто напугать её…

Рыжеволосый ударился в рёв, за что тут же получил от кузена пинок – и завопил ещё громче. Кларисса больше не обращала на мальчишек внимания. Собрав осколки, она

тихо спустилась вниз, завернула их в кружевной платочек и отнесла во двор.

День выдался туманным. Голубоватая стылая дымка неподвижно висела над землёй.

Выкопать ямку было нечем; и девочка упрятала свою ношу в прелые листья под яблоней.

– Прощай, Цецилия! – прошептала Кларисса. – Злые разбойники столкнули тебя со скалы... Прости, но я ничего не могла поделать.

Оставаться во дворе и дальше не хотелось; кто-нибудь мог увидеть её из окна. Тихонько всхлипывая, девочка вернулась в дом – как раз вовремя; стоило ей закрыть за собой дверь и сделать несколько шагов по коридору, как за углом послышалось знакомое дребезжание.

Виттиго, как всегда чопорно-неприступный, катил коляску со стариком; и Кларисса отступила в сторону, пропуская их. До сих пор ей не приходилось встречаться с Эзрой Двестингауссом взглядами. Хотя девочка ежедневно видела его в гостиной, а вчера вечером во

время спиритического сеанса они даже сидели бок о бок, старик ни разу не дал понять, что хоть как-то осознаёт присутствие гостьи.

Вблизи паралитик производил вовсе отталкивающее впечатление: складки нездоровой пятнистой кожи, верёвки вен, морщинистый лик древней рептилии... Вот только глаза его не были глазами старика; ярко-голубые, они словно принадлежали совершенно другому человеку. Волна тяжелого запаха следовала за коляской; но Кларисса даже не обратила на это внимания. В тот миг, когда взгляды их встретились, бескровные губы Эзры дрогнули, почти беззвучно произнеся одно короткое слово. Девочка была уверена, что дворецкий ничего не заметил; но не почудилось ли ей самой? И если нет, *если он действительно сказал это…*

Вернувшись в свою каморку, Кларисса присела на краешек кровати и задумалась. Конечно, старик мог просто-напросто выжить из ума… Или он имел в виду нечто совершенно безобидное, а она навыдумывала всякого… Откуда же тогда взялся ледяной комок страха, ощущение близкой беды?

беги

Куда она может бежать? И зачем? Двестингауссы, конечно, не самые хорошие люди; иногда просто ужасные… Но не людоеды же они, в самом деле! Дядя Эрл ни за что не оставил бы её одну, таись тут опасность… Правда, у обитателей этого тёмного, похожего на склеп дома наверняка хватает собственных мрачных тайн; она чувствует их незримый гнёт… Поскорей бы вернулся Птицелов, а ещё лучше, отец… Когда это случится, будет так здорово!

Чувствуя лёгкий озноб, девочка сняла с гвоздя плащ и закуталась в него, накинув на голову глубокий капюшон. Стало уютней; но призрачный холодок продолжал сочиться в комнату. Неужели такой сквозняк, удивилась Кларисса, подходя к окну; странно – на улице совершенно нет ветра… Эту мысль, простую и тривиальную, словно бы додумала за неё Цецилия; в то время как сама девочка зажимала ладошкой рот, сдерживая рвущийся наружу крик ужаса.

Напротив дома стояла чёрная карета – та самая. Длинные решетчатые фонари источали тёмно-синюю паутину лучей – свет казался совсем слабым, но все предметы в комнате приобрели вдруг неестественный, мертвенный оттенок. Туман сгустился; сквозь него еле просвечивали тени проезжающих экипажей. Дверцы кареты открылись; кто-то вышел оттуда, неторопливой походкой направившись к дому. Позднее девочка пыталась вспомнить, как он выглядел и во что был одет; пыталась… И не могла. В её сознании как будто разорвалась бомба – в памяти полыхнул миг прощания с отцом, его последние слова, эта странная и зловещая фраза.

«*Заклинаю – держись подальше от черных карет и людей с глазами, как оловянные пуговицы…*»

Проверять, на что похожи глаза незнакомца, Кларисса не стала. Она выбежала из своей комнаты и бросилась к чёрному ходу – так быстро, как только могла.

Ощущение жуткого давления, уже испытанное ею ранее, с каждой секундой нарастало; но за спиной у девочки словно выросли крылья. Глухо хлопнула дверь; мелькнули голые чёрные ветви яблонь, норовя вцепиться в волосы… Дальше, дальше! Низенький забор не смог остановить Клариссу; лишь одно чувство жило сейчас в её душе – ужас преследуемого зверька. Она не видела, как стекают ручейками расплавленного металла петли, как рушатся с грохотом створки дверей и синие отблески ложатся на тёмный орнамент паркета; не слышала невыносимых, бьющих наотмашь слов «*Я пришел взять то, что принадлежит мне!*» Она бежала, покуда хватало сил; пока перед глазами не поплыли кровавые круги, а боль в боку стала совсем нестерпимой. Но останавливаться было нельзя, и девочка продолжала идти, забираясь всё глубже и глубже в хитросплетение тесных улочек и проулков. За всё это время Кларисса ни разу не обернулась. Она забрела в совершенные трущобы. Мостовой тут не было и в помине; повсюду лежали бурые, пахнущие конским навозом лужи. С одной стороны тянулась кирпичная стена, растрескавшаяся, вся в пятнах мха; с другой – бесконечные дровяные сараи. Царапаясь о торчащие

повсюду ржавые гвозди, девочка заползла в тёмную щель меж двух таких построек, свернулась клубком, как котёнок, и замерла.

Глава 4

Море Атлантов наполняло паруса ветром. Люгер «Морская лисица» огибал бесконечный язык Ятаганного полуострова; и с левого борта то приближалась, то удалялась тёмная полоса береговой линии, отороченная белой тесьмой прибоя. Капканных дел мастер впервые за много дней покинул свою каюту и вышел на палубу. Титания и Лидиана остались за кормой; впереди была неизвестность.

– Любуешься? – шкипер возник рядом, словно тень, и Атаназиус сдвинул брови: подкрасться так, чтобы он не заметил, редко кому удавалось. С этим малым определённо следовало держать ухо востро.

– Может, и так – недружелюбно буркнул он и отвернулся. Шкипер, казалось, не заметил нарочитой грубости.

– Да, здешняя волна – совсем не то, что на Сильферре! Тебя, часом, не укачивает? С новичками такое частенько случается.

– А что, похоже?

– Да нет, вобще-то! – шкипер белозубо рассмеялся. – Стало быть, тебе уже доводилось путешествовать морем?

– Может, и доводилось.

– Экий ты неразговорчивый! На корабле так не принято, если хочешь знать. Компания здесь небольшая, тесно, деваться особо некуда… Надобно как-то ладить с людьми.

– Мы прекрасно поладим, ежели не будешь лезть ко мне с расспросами! – отрубил капканщик. – Уговор помнишь? Я плач*у*, вы везёте; вот и весь сказ.

– Ну будет, будет! Я всего-то хотел – пригласить тебя вечером на стаканчик красного. Посидим, перекинемся в картишки… Делать всё равно нечего!

– Ветер крепчает. К вечеру может разыграться шторм; тебе будет не до карт.

– Здесь всегда штормит в это время года – отмахнулся Куяница. – Возьмём мористее, чтобы не напороться на рифы; только и всего. Так что подумай; мы тут собираемся метнуть банчишку. Будет желание – присоединяйся.

Старший помощник дожидался в каюте. При виде шкипера он утвердительно кивнул.

– Всё в лучшем виде… А у тебя как?

Куяница пожал плечами.

– Его не поймёшь. Этакий бирюк! Но не простой ремесленник, это точно; ведёт себя совсем по-другому. Я бы сказал, больше смахивает на нашего брата контрабандиста.

– Я знаю всех, кто этим промышляет – хмыкнул Драгга. – Да и ты тоже.

– В наших краях – да. А на южном побережье, в Заливе Дождей? К тому же, не забывай об Итанском Регистрате и Фортугане; там тоже есть рисковые парни…

– Что ты решил?

– Он мне не нравится, Драгга – задумчиво произнёс шкипер. – Так что я пока склоняюсь к твоему варианту.

Великан кровожадно ухмыльнулся.

– Но всё ещё может перемениться! – предостерёг его Куяница. – Подождём до ночи. Кстати, неплохо бы предупредить пару крепких ребят; намекни, что для них скоро может найтись работёнка.

– Сделаем!

Итак, наш путешественник вовсе не тот, за кого себя выдаёт – продолжал размышлять шкипер, задумчиво тасуя колоду карт. Хорошо бы он соблазнился игрой; можно даже продуть

вчистую первые две-три партии, чтобы у парня проснулся интерес. А Драгга меж тем пороется в его каюте; должно же там хоть что-нибудь найтись! Какая-нибудь мелочь, что-то, проливающее свет если не на цель одинокого путешествия к берегам далёкой Зюйдландии, то хотя бы на загадочную личность пассажира… Тут мысли Куяницы приняли несколько иной оборот. Поговаривают, пираты Бриллиантиды в последнее время наплевали на всякие там договорённости. Ну, они и раньше не больно строго им следовали… Парням не помешает напомнить, чтоб смотрели в оба; да и вахтенных с завтрашнего дня придётся менять чаще. Что же касается нашего странного приятеля…

Одна из переборок в каюте шкипера была двойной; массивная с виду дубовая панель легко отодвигалась в сторону. Открыв тайник, Куяница некоторое время любовался скрывавшимся внутри арсеналом. После непродолжительных колебаний выбор его пал на гранпистоль. Благородная сталь голубовато блеснула в сочащемся из иллюминатора тусклом свете. Варварское оружие, стяжавшее фортуганцам славу лучших в мире наёмных солдат, а ныне употребляемое, пожалуй, только разбойниками с большой дороги… Да ещё рисковыми ребятами вроде него. Мушкет без приклада, с укороченным стволом – выстрел из такого запросто сносил человеку голову. Куяница ласково погладил ореховое цевье, проверил, легко ли взводится курок. Механизм, переделанный вардевальскими умельцами из кремневого в капсульный, работал, как часы. Спуск был на диво лёгким.

Давненько ему не приходилось пользоваться этим инструментом! А ведь именно гранпистоль положила некогда начало его капиталам… Стало быть, и кораблю; а в перспективе, чем чёрт не шутит – собственной усадьбе и плантации где-нибудь в тёплых краях… Шкипер улыбнулся. Пожалуй, не решись он тогда на одно рисковое дельце, так и сидел бы сиднем в глухой фортуганской деревушке, затерянной среди дремучих лесов…

Куяница педантично прочистил ствол, засыпал туда мерку лучшего «голубого» пороху, вбил пыж из промасленной оленьей кожи. Сверху легло несколько кусков мягкого свинца и ещё один пыж, на этот раз войлочный. Медный пистон был аккуратно вставлен в отверстие затравки. Некоторое время он раздумывал, куда бы спрятать оружие – так, чтобы оно имелось под рукой; и в конце концов засунул в рулон географических карт.

Понемногу темнело. Заявился Драгга с двумя матросами, Билли и Дрестом. Билли шкипер знал хорошо, а вот Дрест был новичком – его взяли на борт в Санбризанне, вместо парня, заболевшего лихорадкой. Куяница чуть заметно шевельнул бровью.

– Давний кореш! – оскалился в щербатой улыбке старпом, поняв безмолвный вопрос. – Я за него ручаюсь; не раз прежде обстряпывали делишки…

– Ну хорошо, коли так – шкипер сдал карты. – Драгга, нацеди всем по стаканчику; ты знаешь, где у меня выпивка.

– Какие планы, шкип? – поинтересовался Билли.

– Пока что просто сыграем по маленькой. Может подойти наш пассажир; если явится – Драгга уступит ему своё место.

Сдавали по очереди. Куяница сперва проиграл квадро, потом начал медленно навёрстывать упущенное. Матросы осторожничали, ставя за раз не больше пяти тавро; а вот старший помощник раздухарился. К полуночи Драгга стал беднее на три с половиной гю – и страшно переживал из-за этого.

– Что жмётесь, каракатицы! – рычал он на матросов. – Или кишка тонка сделать настоящую ставку?

– Это ты *мне* говоришь? – усмехнулся вдруг Дрест. – Изволь, сыграем… На нашего отсутствующего друга! Его ведь всё равно придётся *того*, верно? Так почему бы не решить всё заранее?

– Э-э… С чего ты вдруг взял, будто кого-то надо пришить? – фальшиво удивился старпом.

– Брось, старина; мы друг друга не первый день знаем … Я всё просёк, ещё когда ты предложил нам с Билли непыльную работёнку!

– Догадливый, чёрт! – прищурился Куяница. – А что, и впрямь – почему бы не поставить его на кон? Драгга, сейчас, кажется, твоя очередь сдавать?

Разыграли ещё одну партию – на этот раз в полном молчании. Дрест остался в проигрыше.

– Сам предложил – ухмыльнулся повеселевший старпом. – Ну, да тебе не впервой, верно?

– Надо бы посмотреть ветер – задумчиво сказал шкипер. – Качка усиливается, чувствуете?

– Последний кон, шкип! – умоляюще прохрипел Драгга. – На всё!

Он вытащил из кармана потёртую серебряную монету и гордо продемонстрировал её игрокам. – Ставлю против твоего выигрыша!

– Один гю – против трёх с половиной? – хмыкнул Билли.

– Это старая чеканка, ещё времён Королевства – присмотрелся более опытный в таких делах Дрест. – Серебра в ней куда как поболе. Хорошая ставка, шкип, принимай!

Куяница сладко улыбнулся.

– Ну ладно, коли вы все этого хотите...

Открыли карты; Драгга разразился проклятиями.

– Повезёт в любви, старина – сочувственно похлопал его по плечу шкипер. – Самая верная примета!

Ночь встретила Куяницу каскадом солёных брызг. Ветер и впрямь посвежел, но не настолько, чтоб убирать паруса.

– А теперь настало время поговорить о делах – объявил он, вернувшись с палубы. – Известный вам тип пренебрёг нашим гостеприимством; придётся немного попенять ему за это. Сейчас вы трое отправитесь в его каюту и передадите моё настойчивое приглашение; заодно поможете добраться сюда – вдруг он забыл дорогу… Парень, должно быть, уже лёг спать; так что на вашей стороне преимущество внезапности. Да, Дрест, запомни – он мне нужен живым… Пока что; и способным отвечать на мои вопросы.

– Но как мы попадём к нему? – поинтересовался Билли. – Ежли начнём вышибать дверь, он проснётся…

– Нынче днём, пока наш нелюбезный пассажир принимал воздушные ванны на палубе, господин старший помощник поработал с защелкой в его каюте… И хотя с виду она целёхонька, но вылетит ко всем чертям от лёгкого толчка.

– С дверью всё ясно, шкип – ухмыльнулся Дрест. – Но ты упустил самое интересное: что мы с этого будем иметь?

Договорились о цене. Матросы в сопровождении старпома вышли из каюты. Куяница налил себе ещё вина и откинулся в кресле, держа в одной руке бокал, а другой взявшись за рукоять оружия.

Минут через пять за дверью послышалась возня, сдавленные проклятья – и великан Драгга, пятясь, втащил через порог бесчувственное тело. Следом, пошатываясь, ввалился Дрест, зажимая двумя ладонями робу на груди. Меж пальцев вились струйки крови.

Шкипер поперхнулся.

– А где Билли?!

– Билли мёртв – хрипло откликнулся Драгга. – Получил нож в сердце; Дрест тоже ранен… Сукин сын! – Он пнул лежащего.

– Серьёзно задело? – Куяница уже был рядом с матросом.

– Кха… Кх-хажется, да… – дыхание вырывалось из груди раненого со свистом, в уголке рта показалась кровь.

– А ну, быстро снимай робу… Драгга – на всякий случай, свяжи этого.

– Уже повязал… Ловок, сволочь, ножом-то махать…

– А ты держись, парень, держись… У нас тут хороший лекарь, сейчас мы его разбудим…

– Как это случилось?! – резко бросил Куяница, вернувшись. Глаза шкипера метали молнии.

– Он ждал подвоха. Вишь, спал в одежде; бьюсь об заклад, что и нож всё время держал под рукой… Там было чертовски тесно; Билли сунулся к нему первый, потом навалился Дрест. Этот гадёныш извивался, словно бешеный; пришлось как следует вмазать ему, чтоб утих.

– А напоследок он ещё успел порезать тебе робу.

– Где?! – старпом с несказанным удивлением уставился на распоротый почти до локтя рукав. – Ну, дела! Я и не заметил…

– Тебе повезло! – серьёзно сказал Куяница. – А вот остальным не очень; Дресту пробило лёгкое. Костоправ сказал, дотянет до утра – есть шанс, что выживет...

Старпом угрюмо выругался.

– Усади-ка нашего друга на стул; хочу с ним побеседовать – шкипер вытянул из бумаг гранпистоль.

Правая половина лица капканщика превратилась в сплошной кровоподтёк – кулак Драгги врезался в его голову с силой кузнечного молота.

– Похоже, он ещё не очухался.

– Тогда вот что; сходи к нему в каюту и принеси оттуда вещички. Помнится, у него был большущий баул…

– А Билли?

– Мы ему всё равно не поможем, верно? Оставь пока там.

– Слушай, шкип, я тут подумал – остальным вроде как необязательно знать, чего на самом деле приключилось, а?

– Что ты предлагаешь? – Куяница с любопытством глянул на старпома.

– Ну, это… Я, Билли и Дрест решили перекинуться с нашим другом в картишки. Он начал мухлевать, а когда его уличили в этом, схватился за нож. Ну, и…

– А что… Звучит неплохо! На, возьми колоду; подбросишь в его каюту для пущего правдоподобия. Что же ты за птица такая, парень… – шкипер приблизил карбидную лампу к самому лицу капканщика, вглядываясь в его черты. – Будь я проклят, если не разузнаю этого!

Драгга, отдуваясь, приволок массивный саквояж, обтянутый грубой кожей.

– Кровищи там натекло – весь пол скоблить придётся… Ну и тяжесть! Камни, что ли, он в нём таскает?

– Давай посмотрим…

Драгга сунул пятерню внутрь; спустя миг стальные челюсти захлопнулись. Силы их обычно хватало, чтобы раздробить кости взрослому человеку; но шерстяной рукав робы немного смягчил удар. Старпом изо всех сил сжал зубы; выпученные глаза его налились кровью, в глотке заклокотал яростный рык. Куяница подоспел на помощь. Вдвоём им кое-как удалось высвободить руку Драгги из хитроумного капкана. Чуть выше запястья вспухли здоровенные желваки.

– Кости целы?

– Вроде да… Знаешь, я прямо-таки мечтаю выпустить этому типу кишки!!!

– Всему своё время… – шкипер осторожно перевернул саквояж, вываливая его содержимое на стол.

– Итак, что у нас тут… Инструменты, причем весьма чудн*ы*е… Хотя вот этот мне знаком – круговой стеклорез с гуттаперчевой присоской; ай-яй-яй, воровская штучка… Набор отмычек… Некие странные субстанции в мешочках и баночках; футляр, полный аптекарских пузырьков с жидкостями… Гм, уж не яды ли это?

– Влить ему в глотку, тогда узнаем!!!

– Медицинские принадлежности, бинты и ланцет… Кошелёк… Ого! Похоже, здесь весьма солидная сумма, но сплошь в мелкой монете… Ещё один кошелёк? А тут что – серебро?

– Да, верно, серебряные слитки…

– Ну и дела… А вот и самое интересное, бумаги. Обрати внимание, любезный Драгга – географические карты с указанием глубин; какие-то чертежи… Бумаги государственного казначейства; наверняка ценные, но с ними мы разберёмся позднее. И записи, четыре тетради, переплетённые в шагреневую кожу – дорогое удовольствие, я тебе скажу… Проклятье!

– Цифирь какая-то… – старпом глянул через плечо шкипера.

– Знаешь, что это такое? Чертов шифр – Куяница перелистнул несколько страниц. – Все записи шифрованы; я даже не представляю, как они читаются – сверху вниз, справа налево… Ну что же, зато теперь мы знаем, с кем имеем дело.

– И с кем же? – непонимающе нахмурился Драгга.

– А ты ещё не догадался? – шкипер поднял гранпистоль; холодный кружок дула ткнул капканщика в лоб. – Это шпион, любезный мой Драгга, лазутчик; вот кто он таков! И будет уже притворяться, ты! Парень в сознании последние минут пять, если не больше – дрожание век выдаёт.

Старший помощник здоровой рукой ухватил пленника за волосы и встряхнул – так, что зубы лязгнули.

– А ну, быстро пришел в себя!

Капканщик нехотя разлепил веки и безо всякого выражения взглянул на Куяницу.

– Да, любезный, дела твои плохи – сочувственно прищурился шкипер. – Один из моих людей отправился к Создателю, второй, похоже, присоединится к нему ещё до рассвета – а виноват в этом ты. Вдобавок, твой чертов багаж повредил руку моему помощнику.

Драгга извлёк откуда-то кривое парусное шило и выразительно покрутил им перед носом капканщика.

– Знаешь ли, гадёныш, что это такое – когда тебе выкалывают глаза? Сперва ты почуешь боль… О, это особая боль; от неё сердчишко трепыхается, будто птаха! А знаешь почему? Ведь в сердце живёт наша душа; слыхал о таком? Бьюсь об заклад, тебе не доводилось ещё испытать подобного… А потом придёт тьма; и это навсегда! Как оно тебе понравится?

– Мой компаньон иногда перебирает через край – вздохнул шкипер. – Но в твоём случае я не вижу никаких причин его останавливать. Может, подскажешь мне хоть одну?

Капканщик отвернулся.

Куяница досадливо хмыкнул.

– Похоже, разговаривать с нами ты не собираешься… Очень жаль, парень. Времени у нас навалом, можем попробовать на тебе всевозможные средства убеждения; а не получится, тоже не беда… Нам хорошо заплатили, чтобы ты никогда не доплыл до Зюйдландии – или куда ты там собирался…

Атаназиус разлепил запёкшиеся губы.

– Кто заплатил?

– Ага, значит, мы всё-таки будем говорить! Только, знаешь – мне как-то больше нравится задавать собственные вопросы, а не отвечать на твои. В первую очередь – на кого ты работаешь?

Атаназиус лишь усмехнулся. Шкипер понимающе кивнул.

– Да, это одна из тех вещей, которые ты пытаешься сохранить в тайне… Я бы точно пытался, на твоём месте. Хотя, если вдуматься – выбор не так уж велик. Пробрианика? Зюйдландия? Бриллиантида? – Куяница внимательно смотрел на допрашиваемого; однако на лице того не дрогнул ни единый мускул.

– Пойми, мы вполне можем договориться! – вкрадчиво продолжал шкипер. – Более того; я закрою глаза на убийство… Хотя это и непросто; мы с командой – одна семья… Но я прежде всего деловой человек, понимаешь?

В дверь каюты внезапно забарабанили. «Шкип, огни прямо по курсу!». Куяница выругался.

– Драгга, привяжи его к стулу – только хорошенько! – и дуй на палубу!

В этих широтах огни могли означать многое: и фортуганский корабль, и рыболовов из Лидианы; даже своего брата контрабандиста, слегка подрастерявшего осторожность в относительно безопасных водах… Но они могли означать также и патрульное судно Королевства Бриллиантида. «Морская лисица» легла на курс бейдевинд. Остаток ночи прошел в тревожном ожидании.

– Я должен вздремнуть хотя бы немного – зевнул Куяница, когда первые бледные лучи зари окрасили восточный горизонт. – Окажи любезность, спусти нашего молчаливого друга в трюм.

– Не понимаю, чего ты с ним цацкаешься? – Драгга морщился: попавшая в капкан рука распухла до локтя и ныла просто невыносимо. – Я бы давно отправил парня на корм рыбам.

– Вот поэтому ты – мой помощник; а не наоборот – наставительно пояснил шкипер. – Утопить его можно в любой момент; но это всё равно, что утопить мешок с деньгами. Прикинь сам – сколько даст правительство любой державы за секретного агента вкупе со всем его хозяйством – чертежами, картами, шифрованными записями… Э?

Драгга в замешательстве почесал перебитый некогда нос.

– Пожалуй, немало…

– Оч-чень мягко сказано, друг мой! Вопрос лишь в том, кому выгоднее предложить наш товар. Думаю, изучив как следует все его бумаги, я смогу решить сей ребус; ну, а пока… Пока пусть посидит в трюме.

За день дозорный поднимал тревогу ещё дважды. В первый раз это оказались две фортуганские рыболовные шхуны; но ближе к вечеру слева по курсу замаячил паровой корвет.

– Пираты! – мрачно обронил Драгга, разглядев в подзорную трубу флаг Бриллиантиды – косой белый крест на черном фоне.

– Похоже, некогда это был торговец – шкипер позаимствовал у старпома оптику и, в свою очередь, внимательно изучал судно. – Потом его переоборудовали для сторожевых рейдов, добавили артиллерии… А вот скорость наверняка оставляет желать лучшего, даже с машиной; наша скорлупка куда проворней.

Дым из трубы корвета повалил гуще; судно стало разворачиваться.

– Волк почуял добычу – усмехнулся Куяница. – Ну-ну, посмотрим…

Стемнело. Непогода усиливалась; мачты стонали и скрипели. Спустя час после заката пришлось сократить паруса. Огни корвета остались далеко позади: лишенный вооружения люгер двигался значительно быстрее. К утру разразился настоящий шторм.

– В этой свистопляске ни черта не видать! – с плаща Драгги каскадами лилась вода, грубое лицо под капюшоном блестело, будто стеклянная маска. – Но похоже, мы оторвались от них!

– Если нам их не видно – то им нас тем более! – прокричал в ответ Куяница. – Я думаю взять немного восточнее; опасно, конечно, но сократит наш путь по крайней мере дня на четыре!

Это было обычной проблемой контрабандистов: либо идти на риск, оказавшись в прибрежных водах пиратского Королевства, либо огибать его по широкой дуге, потеряв при этом значительное время… А шанс наткнуться на сторожевиков Бриллиантиды оставался всё равно. Куяница предпочёл первый вариант, полагаясь на скорость и маневренность «Морской лисицы». В последний раз он имел нахальство приблизиться к архипелагу на расстояние пяти

миль, проскользнув ненастной ночью мимо острова Стратиана – и рекордно короткий рейс обернулся недурной прибылью.

Пиратские корабли возникли почти одновременно – и справа, и слева по курсу. Куяница выругался.

– Не успеем, шкип! – озабоченно прохрипел старпом. – Если хочешь знать моё мнение – надо поворачивать назад, к острову Коломбина… Укроемся в Кроккенберге, под защитой тамошних орудий; и чёрт бы с ним, с этим призом за скорость!

– Ты забыл про корвет! Думаешь, они отказались от преследования? Стоит нам повернуть – угодим прямиком в зубы дьяволу! Это охота, любезный мой Драгга; загонная охота – и сейчас всё решает скорость… Попробуем проскочить; курс галфинд, живо!

Матросы полезли по вантам; захлопали паруса. Началась гонка. Силуэты кораблей росли на глазах; через некоторое время стало возможно разобрать цвет флагов.

– Бриллиантида… Линейные корабли; и пушек у каждого более чем достаточно, чтобы покрошить нас в мелкую труху!

– Пусть ещё попадут, при такой-то волне! – отозвался шкипер. Словно в ответ, борт пиратского корабля вспух плотным облаком дыма. Через мгновение в уши толкнуло раскатистым громом.

– Предупреждение… Следующий залп будет наш.

– Мы ещё слишком далеко; если повезёт, они не смогут нас достать!

В это время заговорили орудия второго корабля; море расцвело фонтанами поднятых брызг.

– У них древние пушки, старина; бьюсь об заклад, ещё фитильные! – нервно расхохотался Куяница и от полноты чувств крепко двинул старпома промеж лопаток. – Будь там хоть одно современное орудие, из тех, что плюются коническими бомбами – и нам настала бы крышка! Знаешь, единственное, о чём я сейчас жалею – что такой игрушки нету у нас!

В какой-то момент команде люгера и впрямь казалось, что судьба на их стороне; корабль справа не успевал перехватить смельчаков, левый – тем более. Ядра поднимали столбы воды в четверти кабельтова от борта, но ни одно не попало в цель; расстояние между судами миновало критическую точку и потихоньку начинало увеличиваться; но тут…

– Мачты прямо по курсу!

Куяница разразился проклятиями. Надежда таяла, словно дым. Уже не плавучая крепость, нет – лёгкий двухмачтовый бриг шел им наперерез; уклониться от этой встречи было невозможно…

– Убрать паруса – шкипер покорился неизбежному. – Спустить флаг. Не пытайтесь оказать сопротивление, парни – иначе они просто разнесут нас в щепки… Бросьте оружие. На этот раз мы проиграли.

Суда сблизились. В открытые орудийные порты выглядывали жерла пушек. С брига спустили шлюпку; призовая команда, ощетинившись штыками, ступила на борт «Морской лисицы». Шкипер немного удивился – командовала солдатами молодая девушка, почти девочка – лишь жесткий взгляд её глаз не соответствовал миловидному юному лицу.

– Осмотреть судно! При малейшем сопротивлении – стреляйте без колебаний! Ион, составьте полную опись груза; я хочу знать всё до последней мелочи. Лейтенант, построить пленников в ряд! – затянутая в чёрную кожу фигурка хрипловатым голосом отдавала распоряжения. Придерживая висящую у бедра длинную тонкую рапиру, девушка прошлась вдоль строя, безошибочно остановившись перед Куяницей.

– Ты хозяин этого корыта?

– В точности так, мадмуазель! – шкипер сорвал шляпу и отвесил изящный поклон. – Алоис Куяница, к вашим услугам.

– Куяница? Звучит по-фортугански…

– Вы совершенно правы; по рождению я фортуганец, хоть и натурализовавшийся в Республике…

– Каков ваш груз?

– Берёзовый дёготь в бочках, патока, листовая медь, свинец… – шкипер споткнулся – Э-э… Порох и винтовые ружья системы Дрослицы...

– «Фортуганки»? Удачно… Должно быть, рассчитывали тайком сбыть их повстанцам Лотуса?

– От вас ничего не скроешь, несравненная… Будет ли позволено узнать, с кем меня свела лукавая планида?

– Герцогиня Квендиго, капитан брига «Сплендида» и командир морского патруля острова Готика… Впрочем, для вас это без разницы.

– Не скажите! Клянусь дьяволом, мне куда приятнее сдаться на милость очаровательной юной дамы, чем исполосованного шрамами и пропахшего насквозь ромом морского волка…

Лукавая улыбка Куяницы медленно таяла под ледяным взглядом светлых глаз.

– Позвольте узнать, какая участь ожидает мой корабль и команду?

– Обычная – герцогиня пожала плечами. – Судно со всем его грузом поступает в распоряжение Дома Квендиго, а вы, как злостные нарушители Пакта сорок восьмой параллели, отправляетесь на каторгу.

– Могу ли я рассчитывать на иной исход? – Куяница был само обаяние.

– Почему бы нет – девушка коротко кивнула за борт. – Я даже отдам приказ кому-нибудь из солдат продырявить вам голову, чтобы избавить от страданий. Если каторжные работы слишком тяжелы для вашей тонкой натуры, лучше покончить с этим прямо сейчас.

– Э-э… Вобще-то, я имел в виду нечто иное; выкуп, например… – эти слова Куяница договаривал в спину герцогине.

– Да, старина; с этой девочкой у тебя ничего не выгорит. У неё сердечко из калёной стали… – сипло прошептал Драгга.

Глава 5

– Снежинка, просыпайся! Вставай, Снежинка!

Холод проникал под одёжку, и каждое движение отзывалось томительной болью – одервеневшее тело не желало слушаться. В груди заворочался колючим ежом подхваченный неделю назад кашель. Больше всего он донимал спросонья – а иногда ещё среди ночи.

– Снежинка, проснись!

Кларисса с трудом разлепила веки. Вокруг было непривычно светло. Ночью выпал снег, первый в этом году; а к утру небо расчистилось, и покрывшее улицы белёное полотно засияло первозданной чистотой. Томми Секунда, выбивая зубами мелкую дробь, продолжал её тормошить. Сквозь оттопыренные уши мальчишки просвечивало яркое утреннее солнце, так что они казались двумя розовыми фонариками, приделанными зачем-то к его голове.

– Вставай скорее! Надо с-с-согреться… В харчевне Поддера сейчас выбрасывают вчерашние объедки; ежели поспешим, не придётся копаться в мусоре!

Брезгливость уступает свирепому натиску голода на удивление быстро. Уже через несколько дней бродячей жизни Кларисса научилась не проходить мимо съедобного куска, где бы он ни лежал; а её теперешние друзья и вовсе не видели в этом ничего зазорного.

Новая жизнь принесла с собой множество удивительных маленьких открытий: картофельные очистки, например, оказались невероятно, дьявольски вкусными. Отмытые от грязи и поджаренные на листе ржавого кровельного железа, они распространяли во все стороны изумительные ароматы, наполняя глаза жадным блеском, а рот слюной. Почти такими же вкусными были некоторые вещи, выбрасываемые из харчевен и ресторацій; но здесь существовала

жестокая конкуренция, и следовало быть очень осторожной. У девочки до сих пор побаливал синяк, оставленный на плече клюкой одной нищей старухи; та посчитала Клариссу угрозой своему завтраку. Опасаться теперь вобще приходилось многого: юных оборванцев из других уличных шаек, взрослых бродяг, извозчиков – последние так и норовили вытянуть кнутом поперёк спины; вредного полицейского со странным прозвищем Волосатое Сердце, здоровенных лохматых псов, ошивающихся при конюшне… Но это всё были привычные, повседневные опасности.

Существовали и другие; то ли реальные, то ли плод воображения. О них приятели Томми рассказывали вечерами у костра, стараясь перещеголять друг друга в живописании леденящих душу подробностей. Кларисса так и не разобралась до конца, что в этих историях правда, а что – нет; но жуть они нагоняли неизменно...

Харчевня Поддера была хорошим местом: здесь почти всегда можно было набрать хлебных корок, а если повезёт – то и получить порцию слегка пригорелой каши из рук сердобольной толстой поварихи. «Посуду обязательно верни!» – наставлял девочку Томми, дочиста вылизывая помятую оловянную миску. «Иначе никогда больше ничего не получишь. И никому не рассказывай про это место, поняла? Оно только наше с тобой». Маленький оборванец вовсю наслаждался ролью ментора; впрочем, наставником он и впрямь оказался неплохим. Кларисса наткнулась на мальчишку случайно, спустя несколько дней после бегства; тогда же Томми познакомил её со своей компанией. За светлые волосы и кружевное платье девочку тут же прозвали «Снежинкой». Уличная жизнь, конечно, делала своё дело; с каждым днём одежда Клариссы становилась всё больше похожей на лохмотья.

– Сегодня примем тебя в нашу шайку! – важно заявил Томми, когда утренний голод был утолён. – Вобще-то, девчонкам у нас не место; но я замолвлю за тебя словечко, так что не бойся – всё будет тип-топ.

– А разве я не с вами? – удивилась Кларисса.

– Ну-у, вроде как не совсем… – смущенно протянул мальчишка. – Ты ведь не принесла ещё страшной клятвы, и вобще не знаешь пока наших тайн... Так что готовься, поняла?

За последние десять дней девочка узнала о городе больше, чем за десять лет своей жизни; причем с сугубо практической точки зрения. Томми Секунду ничуть не интересовали величественные арки Колокольного собора или роскошная лепнина дворцов. «Туда залезть не успеешь, как сцапают легавые» – равнодушно ответил он Клариссе на её восторги. Зато неказистая башня элеватора вызывала его живейший интерес. «Говорят, внутри полным-полно зерна, до самой крыши!» – мечтательно жмурился Томми. «Вот бы забраться туда всей шайкой; и чтоб у каждого – по мешку! Наварим каши и нажрёмся от пуза; а лишнее можно продать…»

Республиканский (бывший Королевский) мост был самым большим в Уфотаффо. Чугунные львы стерегли его с обеих сторон; проходя мимо, Томми дружески похлопал зверя по чёрной оскаленной морде. Под мостом, на галечной отмели, полыхал небольшой костерок. Шайка расположилась вокруг огня; кто-то грел руки возле пламени, кто-то с наслаждением смолил найденный окурок.

– Привет, орлы мои! – поприветствовал мальчишек Томми. – Как жизнь?

– А, Секунда, здорово… Чё там жизнь… Сидим, воняем… – лениво отвечали ему. Запахи от уличных разбойников и впрямь исходили весьма назойливые; Кларисса в очередной раз подумала, что и от её лохмотьев скоро будет нести точно так же.

– Слыхали новость? Вчера ограбили банк, прямо посередь бела дня!

– Да ладно!

– Вся полиция на ушах; вот те и ладно…

– Эх, нам бы такую уйму деньжищ! Слышь, Томми, ты что бы себе купил в первую очередь?

– Жратву не называть! – быстро добавил кто-то. – И так брюхо с утра подвело… Только вещи!

Эта тема была неисчерпаемой.

– Смотря, сколько денег – откликнулся Томми. – Но одно я б себе точно купил – складной ножик с десятью лезвиями; вот это сила!

– Хорош заливать, с десятью! Таких складней не бывает! – недоверчиво протянул Люс, щербатый и очень рассудительный.

– Не знаешь, не тявкай! – отбрил Томми. – Я сам однажды видел: ручка костяная, а внутри там всё-всё! И шильце, и пилка, и ещё ковырялка такая… Им чё хошь делать можно!

– Просто так банк не ограбить, надобно петушиные слова знать! – усмехнулся Мослатый, высокий костлявый мальчишка.

– Что ещё за слова? Волшебные?

– Ну, волшебные, не волшебные – а без них дело не выгорит!

– Ты, может, знаешь?

– А то!

– Ну, и какие..?

– Так я тебе и сказал!

– Врёшь ты всё…

– А я вот знаю! – поднял голову Томми. – Мне Музыкант говорил!

– Ну! – очевидно, авторитет неведомого Музыканта не подлежал сомнению.

– Главное, сказать это громко; чтобы все-все услышали! – Томми набрал в грудь воздуху и гаркнул: – А ну, быра всем лечь на пол!

– *Быра*?

– Ага, так и надо говорить. Быра! И ещё добавить «Не то распрощаетесь с жизнью!» – Томми подумал немного и уточнил: – Но самым первым делом, конечно, надобно выпалить в потолок.

– Из чего выпалить-то?

– Ну, из пистоля, наверное… Или из ружья. А что, ты с голыми руками хотел банк грабить? Фигушки, не получится!

– Ружья дороги-ие! – разочарованно протянул Мослатый. – И пистолеты тоже.

– Я видел в витрине оружейной лавки по семь гю; правда, одноствольные… А коли краденые купить – наверное, ещё дешевле выйдет.

– Кто тебе продаст-то?

– Кто-кто… Найду, ежли надо будет!

– Ага, разбежался! Ты сначала денег найди…

Зашуршала галька. Шайка встрепенулась; все готовы были, чуть что, дать дёру – но это оказались свои. Двое мальчишек бодро съехали по косогору и юркнули под мост, таща за ручки объёмистый дорожный сундук. Остальные тотчас сгрудились вокруг. Кларисса изо всех сил вытягивала шею, стараясь разглядеть хоть что-нибудь.

– Погоня была? – тревожно спросил Мослатый.

– Не… – хрипло дыша, выдавил один из мальчишек. – Он сам… С крыши дилижанса… Мы подхватили – и дёру…

Отчаявшись увидеть что-либо из-за лохматых затылков, девочка присела на корточки. Принесённая вещь отчего-то показалась ей знакомой; спустя несколько томительных мгновений память подсказала ответ.

– Не открывайте его! – выкрикнула Кларисса. – Томми, нет! Там ловушка!

Мальчишки на всякий случай отступили на шаг от добычи.

– Это ещё кто? – удивился один из вновь прибывших.

– Новенькая – пояснили ему. – Подружка Секунды.

– Слышь, новенькая! Ты чего там вякнула? Какая ещё ловушка?

– Внутри этой штуки капкан. Он отобьёт вам все руки, если полезете туда; так специально придумано…

– Откуда знаешь? – требовательно спросил Томми.

– Потому что этот сундук сделал мой отец. Я узна*ю* его работу; только он забивает такие гвоздики и соединяет доски на «ласточкин хвост».

– На что соединяет? – непонимающе нахмурился Томми, но Мослатый перебил его:

– А как тогда хозяева внутрь лазят?

Девочка опустилась на колени, внимательно рассматривая сундук. Атаназиус Квантикки мастерил порой весьма мудрёные ловушки; но, как правило, секретные кнопки маскировались под гвозди или прятались в углубление ручки. Здесь ручками служили два толстых кожаных ремня по бокам; значит… Пальцы Клариссы пробежали по ряду декоративных бронзовых шляпок. Две соседних чуть заметно пружинили; она с силой нажала на них. Внутри сундука что-то негромко щёлкнуло. Девочка бесстрашно откинула крышку и вытащила первую попавшуюся вещь – ей оказалась аккуратно уложенная мужская сорочка.

– Вот, теперь можно…

Мальчишки не заставили себя долго ждать. Спустя мгновение сундук опустел; рядом громоздилась куча тряпья.

– Музыкант даст за эти шмотки хорошую цену – сказал кто-то.

– А ну, покажи ловушку! – потребовал Мослатый.

– Закрой крышку снова – объяснила Кларисса. – Чувствуешь, надо немножко надавить? Слышал, как там щёлкнуло? Теперь открой и сунь внутрь какую-нибудь палку подлиннее…

Мослатый подобрал заготовленный для костра обломок доски и ткнул в днище. Оглушительно лязгнуло, щепки брызнули во все стороны. Зубастые скобы выскочили из неприметных пазов и впились в гнилую деревяшку с такой силой, что перерубили её напополам. Все вздрогнули; Мослатый круглыми глазами таращился на оставшийся у него обломок.

– Слышь, Чика, а ведь это ты первый потянулся… Прикинь, чего с рукой стало бы, а?

Чика энергично выругался

– Отхватило бы напрочь…

– Я даже помню заказчика; это один капеллан – похвалилась девочка. – Такой противный, весь в чёрном… Он специально настоял, чтобы отец сделал острые зубья.

– Ну, раз противный – значит, поделом ему! – ухмыльнулся Томми Секунда. – Слышьте, разбойнички! Принимаем Снежинку в нашу шайку?

Несогласных не было.

– Ну, вот и славно! Снеж, протяни руку к огню и повторяй за мной…

– Эй! Нечестно! Надобно уколоть палец и капнуть в костёр крови, иначе не считается! – вскинулся вдруг Люс.

– Она же девчонка! – укоризненно сказал Томми.

– Тили-тили-тесто, жених и невеста…

– Шнопак расквашу! – насупился мальчик.

Кларисса аккуратно вытянула из воротника булавку, зачем-то подышала на острие и, сморщившись, кольнула себя. Шайка заворожено следила, как на кончике её пальца набухает вишнёвый шарик. Когда капля сорвалась и упала в костёр, послышался общий вздох.

– А кое-кто забоялся, помнишь, Люс?? – Томми прямо-таки распирало от гордости за свою протеже. – Повторяй вслед за мной: ветром, что веет в небе… Землёй, что лежит под ногами… Кровью, что повязала нас всех… Огнём, что согреет в тяжелый час… Клянусь быть верной братству уличных разбойников и выручать попавших в беду, отныне до самой смерти. И пускай дьявол утащит меня в ад живьём, если я предам кого-то из вас!

Девочка послушно вторила Томми; и после каждой произнесённой фразы меж лопаток отчего-то пробегал холодок. Да, это была игра – но в то же время не совсем. Словно нечто невыразимо древнее проснулось на миг, внимая словам клятвы…

– Красиво загнул! – уважительно присвистнул Мослатый, когда обряд был завершен. – Каждый раз чего-нибудь новое выдумаешь… Артист! Ну, а теперь давайте избавимся поскорее от всего этого барахла.

Шайка снялась с места.

– Стало быть, твой отец мастерит эти штуки? – спросил девочку Томми.

– Да, это его талант – делать капканы и ловушки. На зверя, на птицу, н-ну, и…

– На людей? Должно быть, дела у него идут не очень. Представляю, каким надо быть чудиком, чтобы купить сундук с ловушкой – чуть что, и сам останешься без рук!

– У папы почти всегда была работа… В основном, заказывали те, кому приходится много путешествовать.

– Понятненько. Знаешь, с таким ремеслом рано или поздно наживёшь себе врагов – тут Томми понизил голос. – Я не удивляюсь, что за ним теперь охотятся убийцы!

Кларисса помрачнела. В одну из ночей, когда было особенно холодно и тоскливо, она рассказала мальчику свою историю; а тот поведал ей свою. Мать Томми умерла родами; отец последние несколько лет беспробудно пьянствовал. «Раньше с моим стариком было неплохо; особенно летом. Мы жили в большущей лодке с парусиновым навесом и целыми днями рыбачили или просто бездельничали на пару. Он, конечно, поколачивал меня иногда; но нечасто. А потом… Знаешь, хуже всего стало, когда ему черти начали мерещиться. Он тогда гонялся за мной с ножом; а однажды сильно полоснул. После этого я и удрал от него; вдруг ещё зарежет во сне!» Маленький бродяга помолчал и спросил: «А каково это – когда у тебя есть мать?». «Не знаю» – ответила Кларисса. – «Отец всегда отмалчивался, когда я спрашивала его о маме; а сама я её не помню. Наверное, она тоже умерла».

В трущобах шла обычная жизнь. То тут, то там из подвальных окошек вырывались клочья пара – этот квартал традиционно был вотчиной прачек. Широкоплечие тётки увлечённо горланили и бранились друг с другом, развешивая на верёвках простыни. Мальчишек провожали подозрительными взглядами, на всякий случай придвинув к себе начищенные медные тазы с бельём.. Наконец, уличные разбойники оказались перед облупленной дверью. Из подъезда так густо несло кошачьими ароматами, что у Клариссы заслезились глаза.

– Всех сразу Музыкант не пустит – озабоченно почесал затылок Мослатый. – Чика, Секунда, идите вы двое – ну, и девчонка тоже.

Скупщик обитал под самой крышей, в мансарде; последний лестничный пролёт не имел перил, и Кларисса невольно жалась к стенке.

– Запоминай – сказал ей Томи и особым образом постучал: три сильных удара, пауза, один послабее, потом ещё три. Некоторое время ничего не происходило; затем дверь, скрипнув, на самую малость приоткрылась – и в щели возник внимательный, блестящий, словно у птицы, глаз.

– Отпирай, купец. Товар подоспел! – буркнул Чика.

– Что-то вас много! – недовольно отвечали из-за двери; там, внутри, что-то скрежетало и позвякивало. – Опять, небось, приволокли никчемное барахло…

– Обижаешь! Вещички – первый класс, лучше не бывает!

– Ладно уж, входите… – скупщик краденого управился, наконец, с дверной цепочкой. – Показывайте, чего принесли.

Музыкант оказался моложавым человеком с тонкими усиками и несколько старомодной бородкой клинышком – такие носили во времена Королевства. На плечи его был небрежно наброшен роскошный, хотя и сильно поношенный халат; пояс с кистями и воротник отливали золотым шитьём, но на груди расплывались неопрятные жирные пятна. Из-под багряной ткани

выглядывали голые волосатые ноги, обутые в стоптанные туфли. Жилище Музыканта больше всего напоминало лавку старьёвшика: повсюду громоздились горы разнообразных вещей – одежда, книги, мебель, посуда и утварь занимали каждый метр свободного пространства; для прохода оставались лишь узенькие тропинки. В углу пылился большущий чёрный контрабас, очень похожий на огромную жужелицу без лапок.

– Вот из-за этой штуки его и прозвали Музыкантом – шепнул Томми. – Когда-то он взял его по дешевке – и с тех пор не может никому толкнуть.

Чика между тем предъявил свою добычу.

– А сундучок-то с ловушкой! – похвалился он. – За такой надо бы отвалить по полной! Снежинка, показывай.

– Ну, и кому я его сбуду? – фыркнул Музыкант, на которого демонстрация механизма не произвела ровным счетом никакого впечатления. – Раз эту штуку делали на заказ, значит – смогут опознать, ежели что… Нет, такое мне не нужно.

– Что?! – оскорбился Томми. – Никому не нужно?! Да любой торгаш не моргнув глазом выложит за него пять-шесть гю!

– Два квадро, босяк – и то я не знаю, зачем это делаю… Два квадро, и ни полтавро сверху!

Мальчишки спорили до хрипоты, торгуясь из-за каждой мелочи. Наконец, стороны пришли к согласию. Скупщик расплатился; дети готовы были уйти, когда Музыкант неожиданно спросил:

– Эй, пигалица! Ты новенькая, что ли? В этой дрянной компании я тебя, по-моему, раньше не встречал...

Слова были обращены к Клариссе; девочка смущённо кивнула в ответ.

– Между прочим, такие сундуки ейный папашка делает! И если б не она, ходить мне одноруким! – вызывающе бросил Чика.

– Ты скажи, какая была бы потеря для мировой культуры! – кисло пошутил Музыкант, ковыряя мизинцем в зубах.

– Продешевили! – недовольно ворчал мальчишка, спускаясь вниз. – Надо было Собачихе нести; она бы, может, больше дала… А этот хапнул, так ещё и шпильки подпускает!

– Брось; денег нам хватит на несколько дней! – возразил Томми.

Во дворе состоялся сложный процесс делёжки.

– Часть пойдёт в разбойничью кассу – объяснил Клариссе наставник. – А остальное делим промеж всеми; но Чика и Пузырёк получают вдвойне – это ведь они принесли сундук. У нас всё по-честному; не то, что в других шайках! Ну вот, монетки теперь есть; идём их тратить. Снежинк, ты чего такая грустная? Сейчас повеселимся!

Девочка несмело улыбнулась. Томми, шевеля губами, что-то высчитывал на пальцах.

– Сегодня у нас, получается, пятница? Отлично! Значит, сегодня состязания по портовому боксу. Ты бывала когда-нибудь в доках?

– Нет, только на пристани…

– Ну и правильно. Докерские запросто могут обобрать, а то и зарезать, коли придешь один; но только не в пятницу.

– Может, не надо, а? Томми…

– Не боись! – мальчишка подмигнул. – Сегодня вход в доки свободный; нас никто пальцем не тронет. Такая традиция.

Клариссе отнюдь не улыбалось искать на свою голову приключений; но Томми загорелся идеей и слушать ничего не хотел. До порта было далековато; чтобы скрасить дорогу, дети за тавро купили у лоточницы пару жареных пирожков с мясом и луком. От восхитительного острого запаха у Клариссы закружилась голова; девочка с наслаждением погрузила зубки в горячий маслянистый бок. Уплетая за обе щеки лакомство, они шагали по тротуару.

– Мы что, будем смотреть, как боксируют? – уточнила Кларисса спустя несколько минут. – Я однажды видела… Двое мастеровых дрались во дворе, в таких смешных кожаных рукавицах, толстых-претолстых!

– Так это «господский» бокс! – снисходительно ответил Томми. – Куда ему до портового!

– А чем они отличаются?

– Ну как тебе объяснить… Да всем! – от полноты чувств мальчик взмахнул руками. – Снежинка, ты сама всё увидишь; что рассказывать!

Кларисса в очередной раз поразилась тому, насколько хорошо Томми знал город. Сама она в два счета заплутала бы, потеряв дорогу, особенно в районе доков.

Бои проводились в приземистом дощатом бараке. Мальчишка, года на два старше Томми, собирал входную плату.

– А я тебя помню! – присмотрелся Клариссин спутник. – Мы дрались месяц назад; ты ещё палкой меня по рёбрам вытянул, гад!

– Хочешь это обсудить? – невозмутимо сказал мальчишка.

– В другой раз! – буркнул Томми.

– С вас тавро за двоих.

Внутри толпились люди. Публика здесь собралась самая разная; среди докеров и моряков то и дело попадались господа в дорогом платье, с нафабренными усами и золотыми печатками на пальцах. Пронырливые маклеры сновали из стороны в сторону, ввинчивались в толпу, принимая ставки. Почти все курили; сизый дым висел в воздухе неподвижными волнами. Рингом служил утоптанный земляной пол; роль ограждения исполняли зрители. «Мы же ничего не увидим» – хотела сказать девочка; но Томми с ловкостью кошки вскарабкался на стропила и протянул ей руку. Кларисса опасливо влезла наверх и устроилась рядом. Томми, оседлав толстую балку, беспечно болтал ногами в полуметре над чьей-то макушкой.

– Самые козырные места! – подмигнул он. – Здесь лучше всего видно.

Шум в бараке постепенно нарастал. Наконец, толпу стремительно прошил какой-то малый в шляпе-котелке, матросских парусиновых клёшах и кожаной жилетке на голое тело. Выскочив на ринг, он высоко подпрыгнул, вскинув над головой сжатые кулаки. Публика разразилась приветственными возгласами.

– Его зовут Фредди Попрыгунчик – поделился Томми. – Чертовски быстрый парень, вот что я тебе скажу!

У дверей вновь наметилось движение. Люди раздались в стороны; к рингу важно проследовал здоровенный мужчина с выбритой до синевы головой. Окладистая борода спускалась ему на грудь.

– Ух ты! Это Барсий-итанец! Подфартило нам, Снежинка; они оба – чемпионы… Драчка будет что надо!

Бритоголовый лениво шевельнул плечами, сбрасывая халат. Он был обнажен по пояс; могучий, но уже слегка ожиревший торс украшали густые заросли чёрных курчавых волос. Итанец, казалось, в упор не видит соперника. Повернувшись к нему спиной, он требовательно протянул руку. Из толпы передали что-то, как оказалось – маленький пёстрый коврик, свёрнутый в рулон. Раскатав его, бритоголовый встал на колени и принялся отбивать поклоны, во весь голос затянув какую-то унылую песню.

– Что это он? – осведомилась Кларисса, не на шутку заинтригованная действом. Девочка понимала, что ей здесь не место; но ощущение запретности происходящего только подогревало интерес.

– Молится пред боем – объяснил Томми. – По-своему, на кулгушти; он же итанец.

Фреду, однако, быстро надоело ждать; он сорвал с головы шляпу, не глядя сунул её в толпу, и, с лёгкостью кузнечика подскочив к бритоголовому, со всей силы хлобыстнул его ногой в лоб.

Кларисса ахнула. Барсий повалился на спину, словно куль муки. Толпа неистовствовала; Фред исполнил посреди ринга какой-то варварский танец.

– Погоди, это только начало – хмыкнул Томми. – Видишь, он уже очухался.

Барсий шевельнулся и сел, мотая головой. На лбу его отчётливо пропечатался ярко-алый след. Посидев немного, он вдруг резким рывком вскочил на ноги. Заплывшая жиром грудь колыхнулась. Фред Попрыгунчик был начеку; подлетев к противнику, он обрушил на него град ударов. Кулаки так и мелькали; звук был, словно отбивают мясо – звонкие, сочные шлепки. Барсий не отвечал, прижимая подбородок к груди и закрываясь руками; но вот нога его хлестнула, описывая полукруг – и врезалась в бедро Попрыгунчика. Фред рухнул на одно колено; спустя миг кулак бритоголового попал ему в скулу. Попрыгунчик упал на ринг, но тут же встал и, в свою очередь, лягнул итанца ногой. Барсий даже не пошатнулся. Некоторое время они кружили друг против друга, обмениваясь нечастыми ударами; а потом Фред вдруг подскочил вплотную и, налегая всем весом, вбил в лицо противника локоть. Хлынула кровь; девочка изо всех сил вцепилась руками в балку и крепко зажмурилась. Томми от возбуждения едва не сверзился вниз, вопя нечто бессвязное.

Спустя некоторое время Кларисса вновь отважилась взглянуть на бой. Нижняя половина лица Барсия превратилась в лаковую тёмно-красную маску; борода слиплась от крови. Попрыгунчик пританцовывал вокруг, делая вид, что сейчас ударит. Внезапно итанец сорвался с места – настолько быстро, что Фред не успел отскочить. Поймав своего врага одной рукой за волосы, Барсий дважды ударил его локтем в висок. После второго удара Фред расслабился и обвис; тогда итанец отпустил его – и уже у самой земли выбросил ногу, всё тем же круговым движением послав в физиономию Попрыгунчика голень. Сила удара была такова, что Фред перекувырнулся через голову – да так и остался лежать. Барсия пошатывало, но он победно вскинул руки, обходя ринг; из толпы тянулись похлопать чемпиона по плечу или просто коснуться его.

Клариссу замутило; она чувствовала, что вот-вот упадёт в обморок. Сделалось невыносимо душно; едва сознавая, что делает, девочка судорожно вцепилась в плечо спутника.

– Снежинка, ты что?! – тревожно спросил Томми и принялся тормошить её. – Приди скорей в себя, не то свалишься!

Кларисса не помнила, как спустилась вниз; девочка окончательно пришла в себя уже на улице.

– Ну как, тебе лучше?

– Да, спасибо; только в боку отчего-то болит. Знаешь, пойдём дом… То есть, в наш район – поправилась Кларисса.

– Ну ладно! – пожал плечами мальчишка. – И всё-таки здорово было, правда? Такая махаловка!

Девочку передёрнуло.

– Ужасно! Как ты думаешь, он убил этого Фреда?

– Да нет, не убил; я видел, как его отливали водой. Но вобще здесь по-всякому бывает – пожал плечами Томми. – Иногда и до смерти бьются. Портовый бокс – штука серьёзная!

Обратный путь не был таким весёлым. Погода в Уфотаффо переменчива; ясное с утра небо вновь затянули тучи. Порывы ветра несли хлопья мокрого снега, на лету превращающегося в дождь.

– Ты как себя чувствуешь, Снежинка? Тебе что, совсем нехорошо? – внезапно спросил Томми, озабоченно заглядывая ей под капюшон.

Девочка вяло кивнула. Ей действительно было не по себе; во всём теле ощущалась тяжелая истома, голова наливалась тупой болью.

– Не нравится мне это! – закусил губу Томми. – Вот зараза… И наши разбрелись кто куда; раньше ночи не объявятся. Знаешь что – спрячемся пока под мостом, разведём огонь и отогреемся.

«Похоже, я заболеваю» – подумала Кларисса, кутаясь в свой тонкий плащ с пелериной. Её лихорадило. Дети свернули за угол и вышли к реке. Томми торопился; ему отчего-то казалось, что стоит подружке согреться у костра, и хворь пропадёт сама собой.

Улица быстро приучает жить с оглядкой, но вначале он не обратил внимания на трёх потасканных личностей, ошивающихся возле чугунного льва; лишь отметил, что это бродяги. Какая-то часть сознания, впрочем, насторожилась, заставив Томми обойти троицу стороной – и когда один из них сделал вдруг резкий выпад, стремясь ухватить корявыми пальцами за плечо, мальчишка сумел вырваться.

– Снежинка, беги!!! – отчаянно крикнул он.

Но Кларисса даже не успела понять, что случилось. Земля вдруг резко ушла из-под ног, тонкую шейку сдавило стальной хваткой. На девочку обрушилась оглушительная волна запахов – вонь немытого тела, отсыревшего сукна и алкогольного перегара, источаемая этими тремя, буквально валила с ног.

– Хе-хе… Попалась, пигалица! – небритая физиономия ощерила пасть в довольной ухмылке. – Сколь верёвочке не виться…

– Верно она?

– Верно, верно… Земля слухами полнится… – самый высокий из троицы наклонился, с неприятной улыбкой рассматривая девочку. – Так, стало быть, это твой папаша мастерит сундуки с сюрпризом?

Кларисса испуганно переводила взгляд с одного лица на другое. Внезапно левую щёку обожгло, словно кипятком; в ушах зазвенело. Кто-то из бродяг, она даже не поняла кто, влепил ей пощёчину. Девочка тихонько ахнула; от удара из глаз брызнули слёзы, тут же унесённые холодным ветром.

– Тебя спрашивают или нет?! Отвечай, живо!

– Да… – прошептала Кларисса.

Бродяга вдруг схватился за затылок, сыпля проклятиями – Томми Секунда не терял времени даром; он набрал полные карманы камней и теперь метко обстреливал агрессоров.

– А ну, займитесь крысёнышем! – приказал высокий; очевидно, он был в этой троице за главного. Сгробастав Клариссу одной рукой за грудки, он притиснул её к чугунным перилам моста; да так, что у девочки перехватило дыхание. Капюшон слетел с головы, и ветер тут же принялся трепать светлые волосы. Мучитель поднёс к её лицу пятерню. Вместо пальцев торчали короткие уродливые обрубки; грязная, давно не мытая кожа растрескалась.

– Знаешь, почему я стал таким? – культяпка ткнулась в подбородок Клариссы, заставив поднять голову. Блёклые водянистые глаза бродяги впились в её лицо. – Однажды мне довелось заполучить маленький симпатичный сундучок… И только это я собрался как следует в нём пошарить, как вдруг – хлоп! И мои пальчики падают внутрь, срезанные под корень… Знаешь ли ты, маленькая тварь, каково остаться без пальцев такому, как я? А знаешь, почему я не подох с голоду? Потому что поклялся отыскать того, кто сработал эту дьявольскую штуку, и посчитаться с ним по-свойски… Ну, раз я не смог найти папеньку, то и дочурка сойдёт! – тут он схватил Клариссу за волосы и с силой дёрнул вниз, так что девочка не удержалась на ногах и рухнула в слякоть. Грубый башмак тут же наступил ей между лопаток, прижав к земле.

– Убивать я тебя не буду, не бойся… Мы поступим по справедливости; руку за руку, вот так.

С этими словами бродяга занёс каблук и со всей силы впечатал его в маленькую ладошку.

Кларисса закричала. Такой боли девочке ещё ни разу не доводилось испытывать; казалось, будто её заживо пожирает дикий зверь. Томми, глотая слёзы, продолжал швыряться кам-

нями; ему удалось расквасить губу одному из бродяг, и теперь в руке у того поблёскивал нож. Где-то невдалеке раздалась трель полицейского свистка; вожак бросил «Уходим!» и вся троица поспешно обратилась в бегство. Спустя миг Томми был уже рядом с девочкой, он упал на колени и принялся тихонько гладить её волосы, дрожащим голосом нашептывая слова утешения. Но всего этого Кларисса уже не видела. Она кричала, покуда хватало сил; а потом потеряла сознание.

Глава 6

С дозорной вышки звучно заговорил колокол. Два удара – «корабль входит в пролив». Если на подступах к замку он не поднимет определённое сочетание вымпелов, с зубчатых стен заговорят пушки; и совершенно неважно, что очертания судна знакомы здесь всем и каждому, а командует им твой родич… Безопасность Королевства – прежде всего.

Кассандра отложила книгу, с грацией молодой пантеры потянулась и вышла на узкий треугольный балкон. Порыв ветра взметнул угольно-чёрные волосы, шевельнул край плотной шерстяной накидки. Встав на одно колено, девушка пристроила на гранитных перилах подзорную трубу и подвела окуляр. Да, это «Медуза», флагман старого адмирала Квендиго. Отлично… Так редко удаётся повидать деда; но уж нынешний вечер она обязательно проведёт в его компании. Последние годы Юстас предпочитал жить на корабле, ночуя на суше лишь в самом крайнем случае. Жаль, что она пока не может последовать его примеру… Кассандра перевела взгляд на бухту. Там, полускрытая молом, стояла её «Сплендида» – хищная, стремительная, любимая бойцовая рыбка, от киля до клотика выкрашенная в неприметный зеленовато-серый цвет. Какая всё-таки глупость – эти приёмы, званые ужины, да и балы тоже… Особенно – балы! Девушка вернулась в комнату, прилегла на низенькую оттоманку и лениво перелистнула несколько страниц. Стыдно признаться, у неё просто не хватило времени продвинуться дальше первых глав… Но дед очень настойчиво советовал прочитать всё от корки до корки. Тоненькая брошюрка, отпечатанная на сероватой волокнистой бумаге, выглядела какой-то… Несерьёзной, что ли? То ли дело переплетённые в кожу тома, украшавшие полки замковой библиотеки! Корешки с золотым тиснением; медные узорчатые уголки, цветные миниатюры, написанные вручную невероятно затейливым каллиграфическим почерком строки – в два столбца на каждой странице… Кассандра вспомнила своё детство – и раскатистый хохот деда, когда некая самоуверенная пигалица заявила, что, дескать, рассматривать картинки куда интереснее, чем читать. Давно это было… Девушка слегка улыбнулась, отыскивая то место, где закончила в прошлый раз.

«...Теперь, когда южные берега Республики получили надёжную защиту от внезапного вторжения роялистов, стоило подумать о борьбе с морской гегемонией Бриллиантиды. Бесспорно, это являлось тяжелейшей задачей; но решить её было необходимо. Обходных путей на Юг фактически не существовало; пролив Пробрианик находился под двойственным протекторатом Пробрианики и Итанского Регистрата, а значит – все поступающие из Зюйдландии товары шли через эти страны, облагаясь непомерной пошлиной. Такое положение дел не могло, конечно, устраивать правительство «республики спиритов», как теперь называли Титанию; и она начинает строительство собственного военного флота. В рекордно короткие сроки на озере Дориана были возведены верфи и прорыт канал, соединивший озеро с Гвистокарой, дабы иметь выход к морю. Маленький рыбацкий посёлок Претания в одночасье стал одним из крупнейших промышленных и торговых центров. Позднее пришлось расширять и углублять в некоторых местах русло самой реки, ибо осадка наиболее крупных судов оказалась слишком глубокой. Братья Тролле принимали активнейшее участие в создании флота, наборе и обучении команд судов; попутно они продолжали совершенствовать систему береговой обороны. Одним из важнейших достижений в этой области явилось создание «плавучих

батарей» – огромных плотов с установленной на них артиллерией и вёсельной тягой; настоящих передвижных крепостей. К сожалению, действие их было ограничено Заливом Дождей, так как для сколько-нибудь серьёзного морского плавания эти конструкции не годились…»

В дверь постучали. Предупредительный голос лакея прошелестел:

– Ваша светлость… Герцогиня просит Вас почтить своим присутствием трапезную… Она была бы рада видеть Вас в наряде и украшениях, способных подчеркнуть Вашу красоту…

«Матушка никогда ни о чём не просит» – усмехнулась про себя Кассандра. «Она отдаёт распоряжения. Пожалуй, в этом мы одинаковы; не избери герцогиня более традиционный для женщины путь, из неё получился бы отличный капитан». Кассандра взяла с ночного столика палисандровую шкатулку и подошла к большому, в человеческий рост зеркалу.

Да, родительница вряд ли одобрит наряд дочери… Из зеленоватых глубин на неё смотрела высокая, затянутая в чёрную замшу девушка; единственным украшением ей служил тонкий, словно волос, шрам на левой щеке. Может, надеть бриллианты..? Нет. Порывшись в шкатулке, Кассандра нашла свой любимый кулон, затейливое переплетение серебряных проволочек, изображавшее нечто вроде насекомого-водомерки. Эта вещь была подарком деда; и только они двое знали её тайный смысл: вензель из двух букв «К», обращённых друг к другу. «Кассандра Квендиго».

Трапезная, суровая и мрачная, сейчас выглядела непривычно-яркой: заходящее солнце светило прямо в витражи западных окон, отбрасывая на стену затейливые разноцветные мозаики.

Герцогиня, увидев наряд Кассандры, лишь поджала тонкие губы.

– Ты становишься редкой гостьей в родных стенах, дочь. Почти как Юстас.

– Прошу прощения, мама; это из-за погоды. Нас слегка потрепало на обратном пути, пришлось укрыться в одной из бухт Стратианы.

– Я имела в виду другое… Ты уже составила список тех, с кем будешь танцевать на большом королевском приёме?

Кассандра опустила глаза.

– Откровенно говоря, я ещё не решила…

– Вернее сказать, ты решила слегка задержаться во время следующего рейда, не правда ли? – усмехнулась герцогиня. – Кассандра… Не думаешь ли ты, в самом деле, что твои маленькие хитрости способны меня обмануть!

Девушка вспыхнула.

– Пусть так; но знаешь, мама – вряд ли моё отсутствие кого-либо сильно огорчит!

– Да-а, в прошлый раз ты дала повод для пересудов… – протянула мать; непонятно было, радует это её или огорчает. – Скажи, тебе в самом деле необходимо было вызывать мальчишку на дуэль?

– Наверное, я могла обойтись и без этого – признала Кассандра. – Но тот, кто мнит себя галантным кавалером, должен тонко чувствовать даму и не позволять себе двусмысленных шуток в её присутствии… Особенно, если дама эта – капитан Морского Дозора, а кавалер – всего лишь выпускник Королевской мореходной академии!

– Между прочим, бедняжка маркиз уже вполне оправился… Он шлёт тебе слова своего искреннего раскаяния и просит, в знак примирения, оставить за ним один танец – по твоему выбору.

– Хм, ну что же, я принимаю его дефиниции… Собственно говоря, я и не собиралась его убивать. Так, слегка проучить – и напомнить, что по законам Бриллиантиды владение клинком отнюдь не составляет прерогативу мужчин!

– При дворе у тебя отныне репутация очаровательной злючки… – задумчиво молвила герцогиня. – Знаешь, первое впечатление нельзя произвести дважды. Я бы хотела видеть тебя молодой светской львицей; но, похоже, не судьба…

– Я та, кто я есть, мама. А образ злючки устраивает меня как нельзя более… В конце концов, для Дома Квендиго куда важнее то, что я неплохо командую боевым кораблём!

– Так-то оно так; но тебе уже пора начать думать о наследнике.

– Я приму твои слова к сведению – угрюмо молвила Кассандра. – Часом, не знаешь, когда пожалует дед? Я видела его флагман…

– Вряд ли он вобще соблаговолит зайти – фыркнула герцогиня. – Старый морской волк наверняка не задержится на острове дольше необходимого – погрузить на корабль припасы и воду. Знаешь, у меня складывается впечатление, что он с превеликой радостью переложил все дела Дома на меня, откупаясь своей добычей… И ты уверенно идёшь по его стопам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.